

МЕЛЬНИКОВА Ирина

вера, надежда, любовь

Дикая ЛИЗА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭКСМО»

Ирина Александровна Мельникова

Дикая Лиза

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125243

Дикая Лиза: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-21767-0

Аннотация

Лиза очнулась и не поняла, где она. Кругом затянутый дымом лес и обгоревшие обломки самолета... Похоже, она чудом осталась в живых после авиакатастрофы! Но куда она летела и зачем? Вспоминать было некогда: Лиза услышала детский плач. Коляска зацепилась за дерево на краю обрыва. Это же ее сын! Рискаю жизнью, Лиза спасла мальчика. Вещи, обнаруженные среди багажа упавшего самолета, помогли ей обустроить лагерь, да и опыт бойца спецназа, где она когда-то служила, чего-то стоил. Но как выбраться из глухой тайги?

Директор крупного военного завода Морозов ждал бывшую жену с маленьким сыном. После сообщения о гибели самолета надежда оставалась только на спасателей. И она оправдалась: в тайге была обнаружена женщина с маленьким ребенком. Когда Лизу доставили в город, Морозов убедился: она спасла его сына, которого считает своим. Мужчина принял решение взять ее к себе в дом, конечно, только ради ребенка. Он продолжал упорно верить в этот самообман...

Содержание

Что должен уметь разведчик:	4
Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	34
Глава 3	58
Глава 4	77
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Ирина Мельникова

Дикая Лиза

Что должен уметь разведчик:

- совершать прыжки с парашютом, десантироваться по канату с зависшего вертолета, управлять дельтапланом, парпланом, катамараном, моторной лодкой;
- в совершенстве знать военную топографию, уметь ориентироваться на любой местности по компасу и карте, по местным предметам, быстро и правильно засекать нужные объекты, указывать координаты разведанного объекта по радио;
- определять по внешнему виду любое оружие вероятного противника, знать его тактико-технические данные, уметь своевременно определять подготовку противника к применению ОМП;¹
- определять принадлежность личного состава противника по форме одежды и знакам различия, а техники – по опознавательным знакам и внешнему виду, по звукам определять местонахождение, численность и характер действий противника;
- знать тактику действий подразделений вероятного про-

¹ Оружие массового поражения.

- тивника, уметь пользоваться его оружием и техникой;
- отлично владеть техникой маскировки и способами бесшумного передвижения по любой местности;
 - владеть всеми способами ведения разведки: наблюдением, подслушиванием, засадами, налетами, разведкой боем;
 - скрытно и бесшумно преодолевать инженерные заграждения полевого и городского типа, вброд или на подручных средствах преодолевать водные преграды, хорошо плавать;
 - совершать длительные марш-броски..., метко стрелять, далеко и точно метать гранату и нож, искусно действовать прикладом и ножом, в совершенстве владеть приемами рукопашного боя;
 - владеть «военной альпинистикой»;
 - владеть умениями и навыками обеспечения жизнедеятельности и выживания в экстремальных условиях...

Судя по справочникам Анатолия Тараса, все это должен знать и уметь РАЗВЕДЧИК, крепкий, сильный, специально подготовленный мужчина, который не имеет права терять над собой контроль даже в самой запредельной ситуации. А если в такой ситуации оказалась женщина? Что в таком случае советуют справочники?

Пролог

Сигнал исчез с экрана диспетчерского локатора через десять минут после взлета самолета. Диспетчер, опытный, с многолетним безаварийным стажем работы, не поверил своим глазам. Всего лишь пару минут назад командир корабля сообщил, что самолет набрал нужную высоту и что дела на борту обстоят нормально. Сообщил вполне буднично, без волнения. Словом, так, как всегда об этом сообщает любой командир любого воздушного судна, занявшего свой эшелон и следующего по курсу без помех. Но сигнал исчез и не появился ни через десять секунд, ни через четверть часа теперь уже на экранах диспетчерских локаторов Новокузнецкого аэропорта, над которым должен был проследовать злополучный самолет. Тогда о происшествии сообщили вверх по всем инстанциям.

Естественно, одновременно с пропажей сигнала исчезла связь с экипажем, и в этом диспетчер усмотрел злые козни судьбы, потому что, собираясь вчерашним утром на работу, взглянул на календарь и поспешил похвастаться жене, что завтра исполнится десять лет его службы в аэропорту и наверняка его будут поздравлять, тем более что он это заслужил безупречной работой...

И знал ведь, идиот, что дурная примета хвалить самого себя, но нет, не сдержался. И вот получил по рогам по пол-

ной программе. Последний рейс смены – и столь неприятный сюрприз – ЧП, да еще какое! Транспортный «Ил-76», как всегда, загруженный военными под завязку техникой и тремя джипами для командования военного округа. К тому же девять членов экипажа да шестнадцать пассажиров... Выходит, двадцать пять человек, из них двое детей, грохнулись где-то в тайге? Диспетчер уже не верил, что все обойдется. Если сигнал исчез, то, как ни моли бога, беды не миновать.

Это старая истина, равно как и то, что без разбора полетов теперь тоже не обойтись, хотя он не чувствовал за собой никакой вины. Все его действия, как диспетчера, были грамотны, точны и профессионально выверены, но все же беспокойство не отпускало его. Как всегда, будут искать козла отпущения, а кто им в конце концов окажется? Конечно же, диспетчер – безответная рабочая лошадка.

Так думал Леонид Огурцов – руководитель диспетчерской группы, в чью смену произошла эта трагедия. Через два часа, когда самолет не приземлился в аэропорту назначения, ни у кого уже не было сомнения, что он потерпел катастрофу. А еще через час в воздух поднялись вертолеты военных и МЧС. Под ними лежала бесконечная, подернутая сизой дымкой тайга. Осень щедро прошлась своей кистью по распадам и еланям, выкрасив их в невозможно яркие тона: полыхали багрянцем осинники, плавились золотом березняки и тополиные рощицы по берегам рек и на островах.

Но людям было не до таежных красот. Наоборот, обилие

красок мешало сосредоточиться и обнаружить место падения самолета: сломанные верхушки деревьев, дым от пожаров там, где упали обломки...

Стрекоча, как гигантские сороки, вертолеты гребенкой прошли тем самым курсом, которым следовал исчезнувший самолет. Вертолетчики были не менее суеверны и, пока не обнаружили явного места катастрофы, предпочитали называть самолет исчезнувшим.

Несколько дней подряд в горах шли дожди. В тайге все набухло влагой, поэтому больших пожаров могло и не быть. Особенно если «Ил» упал в озеро или врезался в скалистые отроги Кузнецкого Алатау.

Спасатели, которые тем же курсом двигались по тайге на вездеходах, успели опросить местных жителей и охотников, не заметил ли кто что-нибудь необычное в небе в обозначенные часы, не слышал ли грохота взрывов и другие странные звуки, но пока ни одного толкового свидетеля обнаружить не удалось. Вернее, не узнали ничего стоящего внимания. В этих богом забытых таежных деревеньках видели все, что угодно, — от летающих тарелок до маленьких зеленых существ с рожками, хвостом и копытцами, но ничего похожего на терпящий аварию самолет никто не заметил. Правда, самолет пропал в пять часов утра, но даже самые добросовестные хозяйки, вставшие подоить коров ни свет ни заря, тоже ничего толком не слышали, кроме мычания скотины да звона молочных струй о дно поддольников.

В общем, был самолет, и не стало самолета. Словно птица крылом смахнула, словно маг какой вскинул свою палочку и превратил гигантское тело воздушного лайнера и все, что в нем находилось – многие тонны керосина, груза и почти три десятка человек, – в пыль, в молекулы, в ничто...

Еще через час о пропаже самолета доложили Президенту и председателю Совета безопасности, а также министрам обороны и ЧС, чуть позже без всяких подробностей сообщили в новостях Центрального телевидения. Еще через час в следующем блоке новостей показали карту района предполагаемого падения самолета. Правда, телевизионщики пока не знали одного, того, что район хотя и был определен, но упавшего самолета в нем не оказалось...

Глава 1

Все вокруг, казалось, провоняло гарью и керосином. Тело, начиная от головы до пяток, нестерпимо болело. Женщина открыла глаза и поначалу не поняла, где находится. Она лежала в крайне неудобной позе, почти вверх ногами, уткнувшись лицом во что-то жесткое, при более тщательном рассмотрении оказавшееся клетчатой сумкой, в которой челноки перевозят свои товары. Причем сумок было много, и женщина попросту оказалась заваленной ими с головой.

Она попыталась выбраться из этого завала, но сначала нужно было освободить ногу, застрявшую между сумками и рваным обломком металла, похоже, автомобильной дверцей, безжалостно кем-то исковерканной и нависшей дамокловым мечом над ее головой.

Но несмотря на изматывавшую ее боль, она все же смогла увернуться от удара, когда потянула ногу вниз, и следом за этим движением дверца рухнула на сумки, распоров, как лезвием, одну из них.

После этого женщина окончательно пришла в себя. Правда, голова продолжала гудеть, как колокол, но она уже начала различать отдельные звуки. Перед этим они сливались в один тревожный гул. А сейчас распались на завывание ветра, шум деревьев и... тоненький плач, который скорее смахивал на скулеж брошенного лохматой сукой щенка.

Женщина насторожилась и тотчас почувствовала, как набухла ее грудь от прилившего вдруг молока. Плакал ребенок, и она отреагировала на его плач гораздо быстрее, чем поняла, что на самом деле означают эти звуки. Горячая струйка скользнула по животу, грудь заломило. Не обращая внимания на боль, она быстрее заработала руками, освобождаясь от клетчатого плена. И первое, что она увидела, выбравшись наружу, было куском голубого, покрытого редкими перьями облаков неба, заключенного в раму из искореженного металла, чьи острые углы и завернутые стружкой края однозначно подтверждали, что их сотворила сила взрыва.

Она передвигалась на коленях, потому что слабость не позволяла ей подняться во весь рост. Голова кружилась, тошнота подступала к горлу, но женщина продолжала ползти по направлению к источнику взволновавшего ее звука. Наконец она очутилась на краю того, что несколько часов назад было хвостом самолета. Совсем небольшой фрагмент его завис между двух гигантских кедров и зубчатой вершиной скалы. Кусок металла, все, что осталось от огромного воздушного лайнера, каким-то чудом удерживался на краю пропасти, а чуть дальше, зацепившись за ветку, висела верхняя часть детской прогулочной коляски, и в ней заливался криком ребенок.

Женщина все-таки поднялась на ноги. До ребенка было не больше двух метров. Но между ними лежала настоящая пропасть, а ей не на что было опереться, чтобы дотянуться

до него. Она посмотрела вниз, где топорщился вершинами молодой ельник. Сквозь него проглядывали огромные глыбы базальта. До земли метров десять, но прыгать вниз однозначно опасно, можно не только переломать ноги, но и свернуть себе шею.

Она опять смерила взглядом расстояние до ребенка, потом протянула к нему руки и едва не закричала от ужаса. Теплая фланелевая рубаша в крупную зеленую клетку была изодрана в клочья. Рукава отсутствовали вовсе, а сами руки представляли собой сплошной синяк, который пересекало несколько глубоких царапин и ссадин с уже подсохшей кровью.

Женщина в ужасе поднесла их к лицу, отказываясь верить собственным глазам. Затем ее взгляд скользнул ниже. Оказалось, что ее джинсы в столь же плачевном состоянии, что и рубаша. А ноги мало чем отличались от рук, потому что огромные кровоподтеки и ссадины украсили их не менее щедро. Тогда она задрала рубашу и обнаружила тот же самый набор на бедрах и на ребрах. Вероятно, это было следствием удара самолета о скалу – вернее, его хвостовой части, которая угрожающе подрагивала и поскрипывала при каждом ее неосторожном движении.

Ребенок продолжал заливаться плачем, а она ничего не могла поделать. Голова болела все сильнее, мысли путались, и ни одной стоящей не задерживалось в ней надолго, как бы она того ни хотела.

Грудь ломило от переполнившего ее молока. Железы отвердели, и каждое движение рукой отдавалось в них глухой тягучей болью. Ребенок на мгновение замолчал, словно переводил дух какое-то время, но через минуту принялся глосить с еще большей силой, а ее грудь откликнулась новым молочным приливом. Не спасал даже бюстгальтер, который намок и тер ей под мышками. К тому же молоко насквозь пропитало рубашку на груди, отчего она стала колом, позволяя прохладному ветерку беспрепятственно гулять по всему ее телу.

Женщина огляделась по сторонам. Что же делать? Она хорошо понимала, что не сможет находиться здесь бесконечно и наблюдать, как ребенок заходится плачем. При этом она никак не могла вспомнить, почему оказалась в самолете. Ведь только вчера ее везли в роддом, но отсутствие живота и обилие молока в груди подтверждали: она успела-таки родить. Да и ребенок, судя по крикам, был уже большееньким. Ее ребенок? Но почему она совсем не помнит, как рожала его и по какой причине оказалась в самолете?

Женщина прижала пальцы к вискам. Что-то не складывалось в ее голове. Поначалу она даже не могла вспомнить, как ее зовут. И очень обрадовалась, когда в памяти всплыл голос мужа. «*Лиза! Лизок!*» — прозвучало в ее ушах настолько отчетливо, что она вздрогнула. Неужто он где-то поблизости?

Но тут же отбросила подобные мысли, срок его командировки на Кавказ истекал зимой, а сейчас на дворе осень, она

же должна была родить... Когда же все-таки она должна была родить?

Виски заломило от напряжения, а ребенок уже не плакал, а поскуливал, видно, совсем обессилел от голода. И тогда она приступила к решительным действиям. Первым делом скинула на землю сумки с челночным тряпьем. Правда, они упали вразброс, и все же она надеялась, что не переломает ноги, если придется упасть вниз. Затем она подползла к краю спасшего ей жизнь обломка самолета. Он резко накренился вниз, и тогда, недолго думая, женщина прыгнула. Без толчка, не сгруппировавшись на случай падения. Но, видно, бог хранил ее и в этот раз. Ей удалось зацепиться за ветку рядом с коляской. Ветка оказалась не слишком надежной и выгнулась под ее тяжестью. Но руки у женщины были сильными, а сама она молодой и ловкой, поэтому мгновенно перебралась на нижние, более толстые ветки. Несмотря на боль во всем теле, двигалась она свободно, отметив про себя, что отделалась только ушибами, и это само по себе было добрым знаком.

Ей не составило особого труда дотянуться до коляски. Ребенок оказался большеньким, месяцев десяти или чуть меньше. Он тарасился на нее круглыми глазенками и пытался подняться. Спасло его то, что он был закрыт пологом, иначе давно бы вывалился из коляски. Лиза осторожно подхватила его одной рукой, ребенок загулил и улыбнулся. Она прижала его к груди и принялась осторожно спускаться вниз, то и

дело задирая голову вверх, чтобы увидеть, что происходит с рваным обломком металла, зависшим над ее головой.

Она только-только успела добраться до земли и тотчас бросилась бежать к скалам, чтобы уйти как можно дальше от опасного места. Ребенок на ее руках притих. Она прижимала его к груди и молила судьбу, чтобы позволила им укрыться под скальным козырьком, прежде чем обломок самолета рухнет на землю.

Но страшный грохот раздался быстрее, чем она предполагала. Лиза рванулась к огромной глыбе и, уже не помня себя, закатилась за нее. И пришла в чувство от громкого крика ребенка. Она держала малыша мертвой хваткой и, видно, сделала ему больно, потому что он извивался в ее руках и голосил во всю силу своих маленьких легких.

– Тише, тише, – прошептала она и поцеловала ребенка в замурзанную щечку. Он тут же замолчал, а она, положив ладонь ему на головку, осторожно выглянула из-за камня.

Обломок самолета, срезав, как бритвой, ветки гигантских деревьев и моховой покров на скалах, ушел в пропасть, куда до сих пор валялись камни, и страшное эхо билось о каменные стенки ущелья.

Часть сумок исчезла, захваченная падающими вниз обломками, но три или четыре из тех, которые отлетели чуть дальше, остались. Лиза поднялась на ноги, но ребенок на ее руках вновь заплакал, и тогда она задрала рубашку и прило-

жила его к правой груди. Он сосал долго и жадно, поглядывая на нее черными с густыми ресницами глазенками. Боли в этой груди отступили, но левую распирало от избытка молока, и горячая струйка бежала по ее животу, не переставая.

Но ребенок мало что был голоден, его шерстяной костюмчик промок насквозь. Малыша надо было немедленно переодеть и закутать во что-то более теплое, прежде чем его прохватит ледяной ветер. Его порывы становились все сильнее и сильнее, и, когда первые волнения, связанные со спасением, улеглись, Лиза почувствовала, что продрохла до мозга костей. И неудивительно, ведь ее одежда превратилась в жалкие лохмотья.

Наконец малыш отвалился от ее груди. Глазки его подернуло поволокой, но мокрые штанишки мешали ему заснуть. И тогда Лиза осторожно положила его на мох. Ребенок обиженно захныкал, но это был не тот горький и безнадежный плач, от которого заходило ее сердце, и поэтому она рискнула оставить его одного.

Первая попавшаяся ей сумка была набита кожаными куртками, но на самом дне она обнаружила два спортивных костюма, один из них был поношенный, и пакет с трикотажными мужскими шапочками. Все это оказалось как нельзя кстати, независимо от размеров. Во второй она обнаружила упаковки полотенец и клеенчатые занавески для ванн. Тоже неплохо, подумала она, тотчас сообразив, что полотенца вполне можно приспособить вместо пеленок и подгузников.

В третьей сумке были только большие мягкие игрушки, но она, повертев их в руках, прикинула, что если их распороть и выбросить набивку, то получится вполне приличная одежда для малыша.

Она перетасила сумки к тому месту, где оставила ребенка. Десантный нож, который она постоянно носила пристегнутым к лодыжке, оказался на месте, и Лиза мгновенно, как опытный таксидермист, расправилась с большой обезьяной, распоров ей живот. Она не стала выбрасывать поролон, которым была набита игрушка, и решила позже подумать, как его тоже приспособить. И только тогда раздела малыша. Это был мальчик, и он радостно загулил, когда она сняла с него мокрые штанишки. К счастью, он совсем не пострадал. Лиза внимательно осмотрела его тельце и не обнаружила ни синяков, ни царапин. Он весело смеялся, болтал ножками и все пытался ухватить ее за нос, когда она слишком низко склонялась над ним. Лиза не ошиблась. Ему было месяцев десять. И он крепко стоял на ножках, но сам, видимо, еще не ходил.

Лиза, как могла, обтерла его подолом своей рубахи, который оторвала именно для этих целей. Вода из лужицы, в которой она намочила обрывок, была очень холодной. И она, прежде чем воспользоваться тряпкой, подержала ее некоторое время на своем животе. Отчего еще больше продрогла, но не могла же она напугать малыша, тем более простудить его.

Справившись с этой процедурой, она обернула его поп-

ку мягким полотенцем, вложив дополнительно кусок поролона из внутренностей обезьянки. Теперь мальчику было сухо и тепло. Вдобавок Лиза натянула на него импровизированный комбинезончик из шкурки обезьянки. Он пришелся ему впору, и ребенок моментально закрыл глаза и засопел носом. Она поцеловала малыша в лоб, закутала его в самую маленькую из курток и осторожно положила на мох. И только после этого занялась собой.

Она сняла лохмотья и натянула на себя новый спортивный костюм, а поверх его куртку от старого. Он, видимо, принадлежал мужчине, потому что в кармане она обнаружила напечатую пачку сигарет. Костюмы были ей великоваты, но она мгновенно согрелась, а когда надела поверх них еще мужскую кожаную куртку, а на голову шерстяную шапочку, подумала, что теперь ей сам черт не брат.

Лиза склонилась над мальчиком. Малыш спал и был очень забавен в пушистой шубке игрушечного зверька. Лиза присела рядом. Наступило время все обдумать и решить, что делать дальше. Она закрыла глаза...

...узкая каменистая дорога. Впереди ныряет с ухаба на ухаб бронетранспортер, и сзади тоже бронетранспортер, а между ними грузовик с брезентовым верхом. Олег за рулем, а рядом она. Страшная боль то и дело пронзает ее живот. «Дыши, дыши ртом, – просит Олег. Он не смотрит в ее сторону, потому что не может отвести взгляд от дороги, машину и так бросает из стороны в сторону. При каждом

толчке она стискивает зубы, чтобы не закричать от очередного приступа боли. „Терпи, терпи, родная...“ – слышит она его слова... И все! Огненная вспышка пронзает небо, страшный удар, и она летит, летит в пропасть...

Лиза вздрогнула и открыла глаза. Что такое? Что случилось? Почему она ничего не помнит, кроме этой поездки на грузовике? Явно же, что она родила? И этот ребенок? Несомненно, он похож на Олега. Да и чьим еще он может быть, если ее грудь так распирает от молока. Но почему она не помнит, как жила эти девять или десять месяцев и как они называли мальчика? Хотя какие могут быть сомнения? Дима, Димок, так звали друга Олега, который погиб еще в первую чеченскую войну...

Лиза потерла лоб. И ее пальцы коснулись узкого шрама. Откуда он взялся? Раньше его не было. Сердце ее тревожно забилося. С ней случилось что-то, чему она не знала объяснения. И эта катастрофа... Она понятия не имела, на каком самолете летела и куда.

Она подтянула к себе то, что осталось от ее одежды. Никаких документов – ни ее, ни ребенка, ни билетов, ни медицинских справок – ничего, что могло бы помочь восстановить в памяти события, которые привели ее в этот абсолютно дикий мир, где только лес да скалы, да еще бледно-голубое осеннее небо.

Лиза поднялась на ноги и подошла к краю пропасти. На дне узкого и глубокого каньона бесновалась река. Лучи солн-

да почти не проникали сюда, и все ж она разглядела несколько кусков алюминиевой обшивки, застрявшей между валунов, а на противоположной стороне каньона среди камней она заметила несколько выжженных участков, видно, там тоже приземлилось несколько обломков. Но она пока не заметила ни одного трупа или фрагментов тел, как это всегда бывает при катастрофе самолета. Если на борту самолета и были пассажиры, то все они, вероятно, упокоились на дне ущелья, равно как и члены экипажа.

Лиза зябко передернула плечами. По какой-то причине им с сыном повезло, но как она оказалась в хвостовой части? И почему ребенок был в коляске, а не у нее на руках? Голова снова заболела, и Лиза решила не мучить себя вопросами. Похоже, вокруг не было ни одной живой души, которая могла бы на них ответить.

Она взобралась на высокую скалу и огляделась. Вокруг нее разлеглись на все четыре стороны света бесконечные ряды заросших густым лесом сопок. А впереди просматривались и вовсе высокие горы, с острыми гребнями, чьи вершины были уже покрыты снегом.

Она никогда не бывала в подобных местах. И знала точно, что эти горы не Кавказ. Его «зеленку» невозможно ни с чем спутать, но это и не Урал, где прошло ее детство. Высоченные пихты и ели закрывали горизонт. Среди них тут и там высились тоже пихтовые деревья, но с более пушистыми и лохматыми кронами. Она подошла к одному из них, тому са-

мому, искалеченному обломком упавшего самолета, и подняла валявшуюся у самых ног ветку. И поняла, где она, потому что держала в руках настоящую кедровую ветку с уже сформировавшимися шишками. Она находилась в Сибири. И погибший самолет, выходит, должен был доставить ее в Иркутск, где жила мама Олега?

Но почему вдруг Олег вздумал расстаться с ней и с сыном? Какие обстоятельства заставили его изменить свое решение? Ведь раньше Олег даже слышать не хотел об этом, потому что был в ссоре с матерью. Она не простила ему, что он бросил первую семью ради Лизы.

Лиза опустилась на мох рядом с сыном. Слишком сложно для ее раскалывающейся от боли головы что-то сейчас вспомнить и осмыслить. И все же надо было решать, что делать дальше. Наверняка к месту катастрофы вот-вот придут спасатели. Возможно, ей следует оставаться на одном месте, чтобы дожидаться людей... Но сколько дней пройдет, прежде чем их обнаружат? День, два, а если неделя? У нее заныло под ложечкой, и Лиза поняла, что голодна...

Она не слишком задумывалась, как добыть себе пропитание. Когда-то ее отучили от брезгливости, и Лиза знала, что не умрет с голоду, даже если для этого придется питаться улитками. Причем улитки были как раз лучшим вариантом, чем богатая протеином, но более мерзкая на вид живность.

Из оружия у нее был только нож, но еще со школы она знала, что в тайге полно медведей и прочего опасного зве-

рья, поэтому на всякий случай перевесила его на пояс. Слабое утешение, но все-таки она чувствовала себя увереннее, когда ее верный «Колян» был при ней. «Коляном» его тоже прозвал Олег, потому что раньше он принадлежал ему, а еще раньше – неизвестному чеченскому боевику, после которого остались на рукоятке две буквы К и Л.

На самом деле это был обычный нож выживания с прямым, довольно широким и длинным клинком, на обухе которого имелись пилка и выемка-зацеп шокового воздействия при ударе. Нож, который умел все! При необходимости он мог выступить в роли рабочего инструмента, скального крюка, охотничьего и боевого оружия, столового прибора, наконец. Впрочем, назначений у него оказалось много, и каждое было направлено на то, чтобы обладатель ножа сумел выжить в любой непредвиденной ситуации, случись она зимой или летом, в недоступных горах или в азиатской пустыне, в сибирской тайге или в арктической тундре. «Колян» успешно заменял своей хозяйке топорик при рубке кустарника, им было сподручно чистить рыбу, свежевать животных и птицу, нарезать лапник, строгать колышки для палатки...

Рукоятка у «Коляна» была пустотелой и хранила в себе обычный набор для выживания. Запаянные в полиэтилен два десятка спичек с кусочком терки, завернутые в вощеную бумагу две половинки лезвия безопасной бритвы, три булавки, три метра ниток, одна сапожная игла с куском суровой нитки, три рыболовных разного размера крючка, око-

ло шести метров рыболовной лески, три грузила и упаковка из двух презервативов.

Ножны тоже несли свою нагрузку и содержали дополнительно сигнальное зеркальце и рогатку для отстрела мелкой дичи.

Этот нож Олег преподнес ей как свадебный подарок, исключительно полезный для невесты. Но он и вправду несколько раз очень сильно выручал ее. Лиза закрыла глаза и застонала от боли, снова пронзившей ее мозг. Нет, пока она не должна вспоминать ни Олега, ни всего того, что связало их вместе.

Все ее силы сейчас, мысли и чувства должны быть сведены воедино и нацелены на то, чтобы выжить самой и спасти их сына.

Она прилегла рядом с ним и всмотрелась в раскрасневшееся от сна лицо малыша. Он был прехорошеньким, ее сынишка. С узкими черными бровками, которые сходились на переносице, когда он хмурился. С пухлыми щечками и губками, которыми он так забавно чмокал во сне. В краешке рта скопилась слюнка, и она осторожно сняла ее пальцем. Затем слегка коснулась теплой щеки губами и поднялась на ноги.

Следовало более тщательно оглядеться и присмотреть место для ночлега. Солнце уже перевалило зенит, и было никак не меньше четырех часов пополудни. А по прежнему, кавказскому, опыту она знала, как быстро темнеет в горах и как

в них бывает холодно после захода солнца.

Она двигалась по спирали так, как ее когда-то учили исследовать местность, не уходя далеко от исходного пункта и держа под наблюдением выемку в камнях, где спал ее сын. Таким образом, Лиза обследовала все мало-мальски пригодные места для их ночного убежища и остановила свой выбор на скальном карнизе, том самом, до которого она не успела добежать, спасаясь от падающих наземь обломков самолета.

За час она успешно справилась с задачей. С помощью «Коляна» она заготовила несколько охапок пихтовых лап, затем притащила пяток валежин и прислонила их к карнизу. Накрыла это сооружение занавесями для ванн, придавила внизу камнями – получилось нечто, похожее на палатку или охотничий балаган. Внутри она постелила пол лапником, прикрыв его двумя кожаными куртками, еще одну она оставила вместо одеяла. И придирчиво оглядела убежище, в котором им предстояло прожить до тех пор, пока не подоспеет помощь.

Затем она перенесла в него сумку с игрушками и в последнюю очередь сына, который так и не проснулся. Но, устроив его в укрытии, Лиза успокоилась. Теперь она могла отойти чуть дальше, чтобы разведать обстановку. Она не боялась, что на ребенка нападут дикие звери. Осенью они сыты и вряд ли осмелятся появиться здесь днем, тем более вокруг все провоняло самым ненавистным для лесных дикарей запахом – огнем и керосином.

Постоянно оглядываясь и прислушиваясь, Лиза миновала открытое пространство и поднялась в скалы, с которых хорошо просматривались ярко-голубые и красные куски полиэтилена, прикрывавшие их убежище. Впрочем, здесь трудно было заблудиться или уйти в сторону. Рев беснующейся на дне каньона реки должен быть слышен за километр, если не больше. И все же она не решилась заглядывать в глубь тайги, а пошла вдоль берега ущелья, вниз по течению водного потока. Причем делала это почти инстинктивно, потому что в ее сознании прочно закрепилось еще одно, очень важное понятие: даже самая маленькая речка обязательно куда-нибудь впадает. И чаще всего в более крупную речку. И чем крупнее река, тем больше вероятность встретить на ее берегах людей.

Вскоре ей преградили путь заросли низкого, искореженного горными ветрами и метелями пихтарника. Она постояла мгновение, думая, стоит ли углубляться в эти на первый взгляд непролазные дебри, но впереди маячила высокая гряда из нагромождения огромных камней, с которой она могла увидеть гораздо больше...

Пихтарник она преодолела быстрее, чем ожидала. Среди деревьев оказалось много заросших мхом прогалин и скрытых ручьев, но она вскоре научилась угадывать их русла по более яркой растительности и не проваливаться в них. Но главное, впервые за многие годы она поняла, что может передвигаться по лесу без опаски. И не нужно перебегать от одного валуна к другому, пригибаясь и придерживая оружие,

чтобы, не дай бог, что-то звякнуло или брякнуло и выдало бы врагу ее местонахождение.

Удивительное дело, но она забыла и про головную боль и то, что тело ее представляет собой почти сплошной кровоподтек. Несмотря ни на что, они выжили вместе с сыном, у нее были целы руки и ноги, и это оказалось невероятной удачей, пока необъяснимым с позиций здравого смысла везением. Возможно, это единственный случай на миллион, если представить, с какой высоты самолет упал на землю.

По камням было легко передвигаться: перепрыгивай с одного на другой, вот и вся премудрость. И хотя ее кроссовки набухли от влаги, подошвы не скользили на их шершавой, будто наждак, поверхности, покрытой вдобавок грубой коркой лишайников. Лишь в двух или трех местах, где Лиза не смогла подтянуться на руках, она воспользовалась ветками карликовых деревьев. Они затягивали свободное пространство между камней густой упругой сетью.

Наконец она достигла вершины гряды. Чуть ниже ее лежало небольшое, затянутое мхом каменистое плато, упиравшееся противоположным краем в почти отвесную скальную стену – подножие огромного гольца со снежной вершиной, сверкавшей, как головка рафинада, под лучами заходящего солнца.

Он казался таким близким, но Лиза знала, что в горах расстояния обманчивы. И чтобы добраться до гольца, надо миновать не только плато, но и темно-зеленую поросль тайги,

что кокетливым дамским шарфиком разлеглась у его основания. А это километров пять, если не больше.

Но не эта вершина привлекла внимание Лизы. Почти у самых ее ног виднелись страшные проплешины, черные пятна гарей с серыми зольными краями. Они еще исходили мелким дымком. А в воздухе витали еще более страшные запахи горелого металла и сладковатые – трупные.

Лиза застыла на месте. Ей уже приходилось поднимать трупы и фрагменты человеческих тел из-под обломков вертолетов, извлекать их из искореженных взрывом танков и бронетранспортеров. Причем обычно этим занималась масса людей: военные, медики, милиция... Но здесь было другое. Здесь она была одна. А все, что осталось от людей и самолета, спеклось с камнями, с угольями сгоревших деревьев в единое целое.

Она сняла с головы шапочку, прорезала ножом отверстия для глаз, и натянула ее на лицо, чтобы хоть как-то защитить себя от страшного смрада. Только теперь она подумала, что катастрофа произошла не сегодня, останки людей начали разлагаться, а это значит, что она сутки, если не больше, провела без сознания. И покачала головой, как такое мог выдержать ребенок, голодный, мокрый? Или он тоже был не в себе какое-то время?

Хватаясь за ветки деревьев, Лиза стала спускаться вниз. Она даже представить себе не могла, что любая женщина на ее месте тотчас бы свалилась в обморок или бежала бы опро-

метью от столь ужасного зрелища. Но Лиза знала, что она должна сделать все, даже невозможное, чтобы спасти останки людей от поглотения зверей. Ведь когда-нибудь сюда придут спасатели, и после придется эти останки идентифицировать, чтобы родственники могли похоронить своих близких.

Из-под ее ног порскнули в разные стороны мелкие зверьки, а с камней медленно и с недовольными криками поднялись на крыло неизвестные ей крупные птицы. Кажется, она появилась вовремя и не позволила всласть попировать жадной на мертвечину лесной живности.

Она не стала рыть могилы, просто, если удавалось обнаружить что-то, похожее на человеческие останки, заваливала их камнями и выкладывала небольшую пирамидку из тех же камней, внутрь которой втыкала ветку. Даже если она не доживет до того момента, когда здесь появятся люди, они очень быстро определяют, что это за знаки. Правда, обломков самолета оказалось совсем немного. Они лежали веером, расширяясь в сторону пропасти. И это еще раз подтвердило ее догадку: основные фрагменты разбившегося самолета покоятся на дне каньона.

Более двух часов, если судить по солнцу, она занималась своим скорбным трудом. Рядом с одним, почти полностью сохранившимся телом, но без головы и ног, она обнаружила мужскую барсетку с толстой пачкой денег и документами на имя полковника Анатолия Шатунова. И от неожидан-

ности села прямо в грязную с радужными разводами лужу. Толик Шатунов? Командир иркутского спецназа ФСБ? Господи! Она с ужасом огляделась по сторонам. Она слишком хорошо знала Анатолия, чтобы поверить в его смерть. Его не зря прозвали Поплавком за умение выскакивать из любой ситуации без особых потерь.

И все же документы, если они не подделка, в отличие от людей, не обманывают. Она перебрала бумаги и застонала, как от мучительной боли. Похоже, с этим самолетом летела вся группа Шатунова. И поэтому все для нее стало на свои места. Кому еще мог доверить Олег жену с грудным ребенком? Конечно же, своему другу Анатолию Шатунову, с которым они не один пуд чеченской пыли проглотили, не одни башмаки стоптали на каменистых тропах мятежной Ичкерии.

Она заложила тело Анатолия камнями, хотя была не слишком уверена, что оно принадлежало ему. Барсетка могла оказаться рядом с трупом другого человека. Ее она решила прихватить с собой, так как бумаги могли погибнуть от влаги, а ведь они были пока единственными сохранившимися после катастрофы самолета документами.

Кроме документов, она обнаружила в барсетке зажигалку и таблетки, которые ребята из спецназа употребляли в тех случаях, когда обстановка требовала обходиться долгое время без сна. Все это было очень кстати, особенно зажигалка,

потому что запас спичек, который хранился как НАЗ² в рукоятке «Коляна», был слишком мал, чтобы чувствовать себя в относительной безопасности. Теперь в любом случае она могла зажечь костер, чтобы согреться, а без огня им с Димой пришлось бы несладко.

Она затолкала зажигалку в один из презервативов и спрятала ее на груди. Второй кондом можно поместить в носок или в шапочку и использовать как ведро, если потребуется принести воды, а если надуть, как воздушный шарик, то и для страховки при переправе через реку.

Лиза удовлетворенно хмыкнула. Оказывается, не так уж мало она знает, и старые уроки еще не совсем выветрились из ее головы. Некоторое время она сидела на корточках рядом с последней пирамидой, отдыхала и одновременно размышляла, как ей поступить дальше. Дима мог уже проснуться и исходить криком. Воспоминание о сыне ознаменовалось новым приливом молока, и она подумала, что необходимо его сцедить, чтобы не подхватить мастит. В ее положении это было смерти подобно. Тем не менее она решила obeжать плато по периметру, чтобы никогда больше не возвращаться сюда. Теперь это дело спасателей – извлекать из-под камней то, что она упрятала от потравы.

Она очень спешила и чуть не проскочила мимо жестяного контейнера. От удара о камни он развалился на части, но содержимое его почти не пострадало: с полсотни шоколад-

² Носимый аварийный запас.

ных плиток и с десятков упаковок бисквитов. Она терпеть не могла сладкого, но обрадовалась этому подарку едва ли не сильнее, чем тому, что осталась жива вместе с сыном. Теперь при нужде она могла продержаться пару недель, а то и больше, благо что воды вокруг было предостаточно. Кроме того, в реках должна водиться рыба, а под ноги попались несколько грибов, судя по поклеванным птицами шляпкам, вполне съедобных.

Лиза сняла куртку и сложила в нее неожиданный подарок. Оглядела из-под руки горизонт. Голец затягивало серой дымкой. Надо спешить обратно. К вечеру вполне мог зарядить дождь, а ей предстояло накормить малыша, заготовить дрова для костра и успеть еще до темноты осмотреть ближайшие от их убежища окрестности.

Покончив со скорбными обязанностями, Лиза тотчас постаралась изгнать из головы неприятные видения. В своей жизни она наблюдала слишком много смертей и научилась избавляться от связанных с ними стрессов, иначе она давно бы сошла с ума. И это было самым гнусным на войне. Человек – существо, быстро адаптируемое к любым условиям и постепенно начинает воспринимать как должное все мерзости фронтового быта и цинизм взаимоотношений.

Обратный путь она преодолела быстрее, возможно, потому что возвращалась к сыну, по которому успела соскучиться. Малыш и впрямь проснулся. Он сбросил с себя куртку и ползал по их убежищу на коленках. Это напугало Лизу,

она подхватила Диму на руки и прижала к себе. Это ей урок, нельзя ни в коем случае оставлять его одного. Несмышлениш еще, он мог вполне выползти наружу и упасть в камни.

К тому же он опять был мокрым. Но, оказавшись у ее груди, мальчик принялся требовательно теревить куртку матери и жалобно хныкать. И все побежало по уже накатанной дорожке. Она накормила малыша, передела его в сухое, теперь уже в шубку медвежонка, поиграла с ним немного, иначе он никак не хотел засыпать. Дима уже понимал игрушки и прямо-таки вцепился в маленького, в ладонь матери, зайчонка, с которым так и заснул в обнимку.

До темноты оставалось совсем немного. Лизе пришлось передвигаться бегом, чтобы набрать приличную кучу сухих веток и тонкого валежника для костра. Затем она сцедила молоко и обернула грудь полотенцем. Никто не учил ее, как нужно поступать в подобных случаях, но природа сама подсказывала ей, что нужно делать, чтобы не простудить грудь. Ведь молоко было единственным питанием для ее ребенка.

Солнце уже скрылось за горами, но небо еще было светлым, когда она простирала одежонку сына и свой бюстгальтер в бегущем неподалеку ручье и развесила их на колья рядом с костром, который разводила уже в полных сумерках. Но стоило отблескам пламени весело заплясать на скалах и на стволах окружавших их убежище огромных кедров, как Лиза умиротворенно вздохнула и присела рядом с сыном. Она непомерно устала. Голова кружилась, но не болела. И

она вспомнила, что за делами так и не успела поесть.

Лиза отломила половину плитки шоколада, но не устояла перед соблазном и съела ее целиком. Рот наполнился тягучей слюной, и она запила шоколад водой из ручья, а затем съела один бисквит из четырех, что находились в упаковке, и прилегла рядом с сыном, обняв его тепленькое тельце. Сквозь навалившуюся дремоту она подумала, что надо бы ночью проснуться и подбросить дров в костер. Но на сегодня это были ее последние беспокойные мысли. И сон сморил Лизу прежде, чем она успела додумать их до конца.

Глава 2

Несколько раз за ночь Лиза просыпалась и подбрасывала дрова в костер. Более всего она боялась простудить сына. Но он оказался очень спокойным, ее малыш. За ночь ни разу не проснулся, и штанишки у него были сухими. Это подтверждало одно: что он здоров и ночью не замерз. Но ей все время поддувало под спину. Синяки и ушибы тоже давали о себе знать, так что ночью Лиза спала плохо. Кроме того, ей мешали забыться кошмары. Стоило Лизе закрыть глаза, как тут же на нее набрасывались огромные монстры с ощеренными зубастыми пастьми, с черной и блестящей, точно ртуть, кожей.

Она пыталась отбиться от них и все время бежала-бежала куда-то сквозь дым, огонь, падала в воронки от авиабомб и снарядов, на дне которых стояла вязкая черная вода с тем же мертвым ртутным отблеском...

Утро отметилось резким криком какой-то птицы. Лиза выпрямилась и посмотрела на небо. Вдали пронзительно закричала сойка, ей вторила все та же птица, которая разбудила ее пронзительно-скрипучим, как несмазанные дверные петли, голосом. Дятел долбил неподалеку дуплистое дерево, казалось, кто-то стучал поблизости молотком. Утренний воздух был свеж и прохладен, отчего она замерзла еще сильнее и плотнее закуталась в куртку. Затем она выползла из

своего убежища, поднялась на ноги и огляделась.

Густая молочная пелена тумана затянула низины и каменные россыпи, кусты и подножие ближних скал. Густые кроны деревьев, казалось, плавали в огромных белых волнах: их основания и нижние ветви тоже поглотил туман. Но Лизино с сыном убежище находилось чуть выше. Оно хорошо обдувалось ветром, и туман скатывался вниз, оставляя за собой цвета разбавленного молока лохмотья, зацепившиеся за редкие кусты и валежник.

Дальние горы и вовсе скрывала мутная пелена насевших на них облаков. Лиза поежилась и занялась костром. Вместо него осталась лишь груда углей, затянутых слоем пепла. Но она берегла спички, поэтому тщательно разгребла угли и нашла несколько, в которых огонь едва заметно, но теплился. Раздуть его не составило труда, тем более что с вечера она заготовила ворох сухой щепы и мелких смолистых веточек и спрятала их в изголовье. От них огонь вспыхнул мгновенно, а через пять минут сдобренный сушняком костер запылал в полную силу.

Более всего ей хотелось сейчас чего-нибудь горячего — чаю, а лучше чашку супчика или ухи. Лиза посмотрела на остатки жестяного контейнера, который на всякий случай прихватила с собой. В принципе, его можно было приспособить для того, чтобы принести и вскипятить в нем воду. Кроме того, он вполне годился, чтобы сварить уху, конечно, если удастся поймать рыбу. Но Лиза не слишком надеялась на

такую удачу, так как подходов к реке в том месте, где она находилась, обнаружить не удалось. Поэтому следовало более тщательно разведать местность, возможно, получится найти какие-то ее притоки или озера, где водится рыба.

Лиза посмотрела на сына. Она понимала, что в этом возрасте дети спят гораздо меньше. Скоро малыш проснется. После переодевания в чистую одежку и завтрака ему захочется поиграть. Следовало придумать, как освободить себе руки и в то же время не оставлять Диму одного.

Ей многое пришлось пережить в своей жизни, и она никогда не надеялась на быструю удачу, тем более по собственному опыту знала, что удачи не ходят парами. Поэтому не слишком верила, что поисковые группы быстро их обнаружат. Конечно, останки самолета ищут, Лиза могла только предполагать, какие силы при этом задействованы, но если их не отыскиали в течение первых суток, где гарантия, что отыщут в ближайшие дни?

Впрочем, она боялась только одного – проливных осенних ливней и длительных туманов. Тогда поиски спасателей окажутся безрезультатными, а ей и вовсе придется туго в промокшем насквозь и похолодевшем лесу.

Но солнце наконец поднялось над вершинами гор, растопив остатки тумана. Тотчас ощутимо потеплело, а воздух наполнился благовониями восточных кумирен. Он был слегка горьковатым, с ароматами смолы и хвойных бальзамов, терпко-пряным от растущих повсюду можжевельников и родо-

дендронов. В воздухе стойко держались запахи грибов, прели, мха и слегка аммиака. Небо было абсолютно безоблачным, но по прежнему своему опыту Лиза знала, насколько обманчивы бывают чистые горизонты в горах.

Хорошая погода значительно повышала шансы спасательных служб отыскать разбившийся самолет. И Лиза попыталась увеличить их шансы. Несмотря на боль от ушибов, она все же вскарабкалась на дерево, росшее поблизости от их убежища, и привязала к одной из веток самую яркую из занавесок для ванн, ярко-красную, в крупный белый горошек. Она надеялась, что этот знак будет замечен издалека, тем более с вертолета. Она почти не сомневалась, что вертолеты спасателей ищут их именно в этом районе.

Затем день покатился по уже накатанной дорожке. Лиза вскипятила воду в контейнере, добавила в нее каких-то пахучих травок и с удовольствием на этот раз позавтракала, запивая шоколад и кусочек бисквита этим весьма своеобразным по вкусу «чаем». Она сделала последний глоток, и в этот момент проснулся Дима. Она кормила сынишку, переодевала его, поиграла с ним немного, а сама все время оглядывалась на скалы, у подножия которых они переночевали. Вчера впопыхах она не заметила, в каком опасном месте разбила свой лагерь.

А ведь она знала, что нельзя устраиваться у подножия сыпучих скал, в местах возможных камнепадов. Чуть выше их

убежища она обнаружила свежие осыпи, что изрядно ее испугало. Начнись дождь или случись сильный ветер – нового схода каменной лавины не избежать. Поэтому первым делом она решила оборудовать новое убежище в стороне от опасных скал.

Лиза выбрала два близко стоящих дерева и уложила в развилки толстых ветвей длинную потолочную жердь, освободив ее с помощью ножа от сучьев. Сверху на жердь она набросила занавеси для ванн, закрепив их концы на земле заостренными колышками с отходящим в сторону сучком. Для надежности придавила края камнями, а внутри устлала пол лапником. Переднюю и заднюю стенки соорудила тоже из занавесей, но укрепила их подобием частокола из длинных жердей, который на манер деревенского плетня переплела жгутами из ошкуренных веток карликовой ивы. Вход в шалаш оставила совсем узкий, чтобы не проникал ветер. Затем соорудила кострище, чуть ниже и в стороне от шалаша (чтобы в случае ветра искры не летели в его сторону), обложила его камнями и только тогда перенесла оставшиеся вещи и заготовленные с вечера дрова в их с Димой новое жилище.

За работой она устала, к тому же по-прежнему давали знать о себе ушибы, и она прилегла ненадолго рядом с Димой. Хотелось подремать, но она пересилила себя. Надо было успеть до темноты заготовить побольше дров, а еще она собиралась разведать ближайшие окрестности, чтобы отыскать рыбную речушку или, если повезет, озеро. Про эту,

главную на сегодняшний день, цель она не забывала ни на минуту. Но для переходов по тайге и рыбной ловли опять же требовалось освободить руки и одновременно придумать нечто вроде люльки, в которой она могла бы при нужде переносить за спиной сынишку.

Ее изготовлением она занялась, когда Дима снова заснул. Из нескольких веток она сплела подобие стульчика, только без ножек, и вставила его в одну из сумок. Получилось нечто, отдаленно напоминавшее станковый рюкзак. Но Лиза называла его все-таки люлькой, потому что не могла подобрать более подходящего названия. Возилась с ним Лиза около двух часов, но Дима крепко спал, и она решила отлучиться, чтобы набрать дров для костра.

Было очень тепло. Ярко-голубое небо казалось абсолютно чистым, но иногда налетал прохладный ветерок, и Лиза не решилась снять куртку. Самым опасным в ее положении было застудить грудь и заболеть, и более того – оставить малыша без молока. Время подходило к обеду, когда она подтащила к кострищу последнюю ветку. Огромная куча сушняка наконец утешила ее душу, но более всего Лиза радовалась тому, что вновь почувствовала себя здоровой и сильной. Она совершенно не думала о том, как сейчас выглядит, синяки на лице абсолютно ее не беспокоили. Внешность для нее всегда была делом второстепенным, и она никогда не придавала большого значения макияжу или другим ухищрениям, которыми обычно пользуются женщины, чтобы обратить на се-

бя внимание. Вернее, она никогда не прибегала к подобным уловкам и не имела по этому поводу никаких комплексов. И сейчас более важным считала то, что руки и ноги у нее действуют, голова не болит, а сердце бьется ровно, и его ритм не слишком изменяется даже при нагрузках.

Правда, она проголодалась, но решила совместить обед с ужином: имевшиеся в наличии продукты следовало экономить, к тому же она надеялась отыскать неподалеку рыбное местечко.

Усадив Диму в люльку, Лиза направилась в противоположную от падения самолета сторону. Изредка она оглядывалась, красное полотнище на вершине огромного дерева видно было издалека, и она в очередной раз за этот день порадовалась, что ей повезло остаться живой вместе с сыном. Вскоре она поднялась на каменистый холм. С него открывался вид на все четыре стороны света, и, куда ни кинь взгляд, повсюду разлеглись бесконечные гряды лесистых гор, увенчанных скалистыми останцами. Вблизи горы были темно-зелеными, с яркими заплатками логов и еланей. Пестрые осинники и березняки затопляли собой долины, а выше царствовала темнохвойная тайга, мрачная издалека и, казалось, непроходимая. И речи не могло быть, чтобы идти сквозь эти бесконечные горы. Лиза понимала, что измотает силы прежде, чем перевалит первый хребет, а их на ее пути бесконечное множество, тех, что уходят и прячутся в синем мареве далекого горизонта, точно застывшие волны на безбреж-

ных просторах океана.

Лиза некоторое время стояла на вершине холма, вдыхая свежий бодрящий воздух и наблюдая за большими птицами, которые, распластав крылья, кружили в воздухе почти вровень с ней, а то вдруг резко падали вниз. Некоторые из них взмывали вверх с добычей, трепещущим в когтях живым комочком – мышкой или бурундуком. Скорее всего, это были беркуты или коршуны. Лиза была не сильна в орнитологии, хотя Воронов показывал ей и соколов, и кобчиков, и коршунов. Но они никогда на них не охотились, поэтому Лиза ни разу не видела пернатых хищников вблизи, кроме огромного орла, который жил во дворе старого охотника Микешки вместо цепного пса.

Лиза подняла голову и всмотрелась в небо. Прошло уже около суток, как она пришла в себя после аварии, но ни разу не слышала звука моторов, небо было девственно-чистым, и его не пересекали белые следы реактивной струи. Над этим районом, похоже, не летали даже военные самолеты. И тут она вспомнила про сигнальное зеркальце. Ей еще ни разу не приходилось им пользоваться, но Олег показал ей, как это делается. И Лиза постаралась вспомнить уроки мужа.

Зеркальце входило в состав аварийного набора и представляло собой металлическую пластину, отполированную и покрытую каким-то составом, который почти идеально отражал солнечный свет. В центре пластины находилось круглое, чуть больше спичечной головки, отверстие. Зеркальцем

можно было пользоваться даже в полнолуние, а когда Лиза навела солнечный зайчик на клочок сухой травы, он задымился и почти мгновенно вспыхнул. Эта новая функция зеркала обрадовала ее даже больше, чем возможность подать сигнал бедствия. В прошлом солнечные зайчики были ее врагами, и приходилось прибегать к разным хитростям и уловкам, чтобы не выдать себя бликами на оптическом прицеле или линзах бинокля. Правда, вскоре на вооружение поступили оптические прицелы, которые не давали бликов, но и тогда Лиза не забывала, насколько коварно бывает солнце, и по этой причине больше любила работать в пасмурные дни. Но сейчас ей ничего не грозило, и поэтому она с некоторым удовольствием пробежалась световым зайчиком вдоль линии горизонта. Спасатели могли заметить этот посланный наугад сигнал гораздо раньше, чем она услышит или увидит их самолет.

В пользовании зеркалом были свои премудрости, и Лиза на всякий случай потренировалась. Первоначально она выбрала объект: им оказался огромный камень-останец, который возвышался на одной из ближайших к ней вершин. Затем она вытянула руку в направлении камня и «посадила» его на ноготь отведенного в сторону большого пальца. Поворачивая плоскость зеркала, Лиза наконец добилась, чтобы отраженный солнечный луч попал на камень. И очень обрадовалась, когда заметила, что на его поверхности что-то блеснуло в ответ. Возможно, выходы кварца или слюды.

Она проделала подобное упражнение несколько раз, причем выбирала разные предметы: деревья, пни, отдельно лежащие камни. И когда наловчилась проделывать это достаточно быстро, рискнула провести эксперимент на двигающемся предмете, поэтому парящие в небе хищники оказались как нельзя кстати.

Лиза поймала взглядом большую птицу и, удерживая большой палец на ней и одновременно в солнечном луче, повела ее, следуя каждому взмаху крыльев. Но вскоре это занятие надоело ей, к тому же следовало торопиться. Солнце уже сваливалось к западу, а в желудке у нее было пусто. Лиза миновала еще одну горку и тут заметила внизу сверкающие блики, которые пробивались сквозь густые кроны деревьев. Похоже, она вышла к озеру, так как столь обширная водная гладь не могла принадлежать реке. Ее поверхность была спокойной, и Лиза не слышала того рокота, который издают горные реки в борьбе с валунами, заполонившими их русла.

Обнаруженный ею водоем и впрямь оказался озером. Оно было огромным, километра два в поперечнике. Но не это обрадовало Лизу. Еще спускаясь по склону к берегу, она заметила множество кругов, расходящихся по воде, это плавила рыба. Судя по количеству кругов, озеро кишело рыбой. Правда, ее нужно было еще добыть, и достаточно быстро, чтобы вернуться в лагерь до темноты. Впрочем, ей не составило труда изготовить простейшую удочку, а вместо нажив-

ки использовать ручейников, которые в изобилии водились в озере. Все дно у берега было усыпано их домиками, похожими на обломки сучков.

Она не знала, что за рыба здесь водится, но наживку, видимо, выбрала правильно: стоило ей закинуть удочку, как рыба тотчас взяла приманку. Через мгновение она сжимала в руках скользкое извивающееся тело, освобождая его от крючка. Серебристая, с темными точками по бокам, рыба чем-то смахивала на горную форель, но была крупнее.

А день тем временем близился к концу. Все длинней и длинней становились сентябрьские тени. Солнце еще рдело багровым пламенем над землей, но в его лучах уже не было ни прежней ослепительной яркости, ни того знойного тепла, которым оно славится летом. И все ж земля, казалось, мурлыкала, наслаждаясь покоем и миром последних дней бабьего лета. Лиза добыла уже более десятка рыбин, каждая весила около двухсот граммов, это был вполне приличный улов. Она могла поймать и больше, но у нее не было соли, и рыба просто могла протухнуть. И все-таки она обеспечила себя не только ужином, но и завтраком.

Она нанизала рыбу на гибкий прутик, а по дороге к убежищу набрала пару горстей брусники и веточек черной смородины. Листья слегка побурели, но запаха своего не утратили, поэтому Лиза надеялась, что удастся попить настоящего лесного чая. Эти запахи она помнила с тех пор, когда на пару с Егором Николаевичем училась скрадывать глухарей по

лесным распадкам и логам.

Лиза вспомнила про Воронова, и сердце ее болезненно за-
ныло. Пять лет уже, как нет в живых старого вояки, а она до
сих пор видит его во сне, может, потому, что так и не побы-
вала на его могиле? Она наклонилась и подобрала застряв-
шее в зарослях брусничника глухариное перышко. Похоже,
здесь кормились глухари?

Она остановилась и огляделась по сторонам. Небольшая
лужайка была усыпана багровыми ягодами. И перьев здесь
оказалось достаточно, и помета... Видимо, эта полянка бы-
ла своеобразной глухариной столовой, поэтому имело смысл
дождаться ее посетителей.

Дима по-прежнему спал в самодельной люльке, и Лиза в
который раз порадовалась, что малыш, похоже, легко пере-
нес выпавшие на его долю испытания.

Она достала из-за пазухи рогатку, подобрала на тропе с
пяток подходящих камушков, затем отошла в кусты и присе-
ла на корточки. Так отдыхать ее тоже научил Воронов. Люль-
ку со спящим Димой она снимать не стала, хотя та изрядно
оттянула ей спину.

Прошла еще одна, затем вторая и третья минута безмя-
тежного покоя, нарушаемого лишь легким шуршанием лист-
вы, и наконец из чащи вывернул огромный глухарь, высту-
павший по-царски величественной походкой. Его черный
наряд отливал золотом. Лиза затаила дыхание, когда вслед
за глухарем вынырнула серо-коричневая самка и, точь-в-

точь как восточная женщина, засемила по тропе вдогонку за своим краснобровым властелином. Тут же, почти без перерыва, послышался шум трепыханья множества крыльев. Шесть или семь прилично подросших глухарят присоединились к глухарке. И вся эта пестрая братия сразу принялась оживленно сновать по лужайке.

Лиза привстала, вложила камень в резинку и, натянув ее, медленным движением руки подняла рогатку до уровня глаз. Камень скользнул бесшумно и попал точно в голову глухаря, и тот свалился как подкошенный. Птицы испуганно заорали, в воздухе захлопали тяжелые крылья, и все семейство мгновенно поднялось на крыло и бросилось искать спасения в гуще деревьев. Но на земле остался лежать великолепный глухарь. Лиза подошла к нему и некоторое время стояла над мертвой птицей. Прежде хмурое и грустное ее лицо оживилось и даже осветилось радостью. Теперь у нее есть мясо, а бульоном из птицы она могла напоить сына, потому что чувствовала: одного материнского молока ему уже маловато.

Сынишка завозился у нее за спиной, загукал и принялся теребить ее за волосы.

– Сейчас, сейчас, – сказала Лиза и, сняв с плеч люльку, взяла сына на руки. Дима засмеялся, обнял ее за шею. – Подожди немного, – сказала она ласково и посадила его на мох. Но малыш тотчас встал на колени и потянулся к убитому глухарю. – Нет, так не пойдет! – опять засмеялась Лиза и подняла глухаря с земли. Птица весила прилично, и она снова

пожалела, что у нее нет соли, тогда мясо можно было бы засолить и даже закоптить. Она уложила птицу в люльку, сбоку подвесила кукан с рыбой, а потом вырвала два особо крупных и ярких пера из хвоста глухаря и воткнула себе в волосы: ну, чем не скво – боевая подруга индейского воина?

Дима захныкал, видимо, обиделся, что у него отобрали такую замечательную игрушку. Лиза присела на мох рядом с сынишкой, он потянулся к ней, и она взяла его на руки. Малыш поужинал, и Лиза тотчас сняла с него штанишки и поддержала на руках, чтобы он справился со всеми делами. Дима уже хорошо понимал, что от него требуется, и целый день провел в сухих штанишках, что, конечно же, сняло часть забот с его матери.

Дальше Лиза понесла его на руках. Люлька с добычей приятно оттягивала плечи, а на душе было легко и спокойно. Теперь она знала, что им ничто не грозит, по крайней мере, в течение ближайших дней. Но если бы она могла знать, как на этот раз просчиталась!

Она прошла с полкилометра. Впереди виднелись скалы, вблизи которых она соорудила свое новое убежище. Оставалось миновать небольшую россыпь каменных глыб, вскарабкаться на каменное плато, и до их с Димой временного жилища оставалось не более ста шагов.

И тут она увидела медведя. Но сначала она заметила кучу еще дымящегося помета. Сердце ее ушло в пятки. Лиза

поняла, что за зверь пометил звериную тропу, которая весьма удачно привела ее к озеру. Еще на Урале Егор Николаевич показал ей медвежью дорогу, которая вела к удобному горному перевалу, обходила крутые откосы и скалы, а также непроходимые лесные чащи и завалы сухостоя. Такие тропы, как пояснил старый охотник, наверняка приводят к рыбным рекам и озерам, к самым ягодным местам. Вероятно, она существовала с незапамятных времен, потому что была около полуметра шириной, хорошо утрамбована, лишена травы. Лиза, впервые попав на такую дорогу, приняла ее за ту, которая выходит к человеческому жилью, но тогда рядом с ней был Воронов. И когда он показал ей отчетливые следы медвежьих лап на непросохшей после недавнего ливня тропе, почувствовала себя неуютно, хотя держала в руках прекрасный охотничий карабин – подарок за победу в зональном первенстве по биатлону.

Со слов Егора Николаевича она знала, что мало кто из животных осмелится пройти по этой тропе. Лишь человек, да и то вооруженный, решится иногда встать на пути медведя. Но даже взрослый, сильный мужчина не способен противостоять ему в одиночку и с единственным оружием в руках – ножом. Поэтому, вполне естественно, она испугалась. Ей даже показалось, что из темной чащи леса кто-то за ней наблюдает, но приписала это своему воображению, и все-таки прибавила шагу.

Она поднялась на поросшее мхом и низкорослым лесом

плато, и здесь, в просвете между деревьями, заметила огромного зверя с темно-бурой, почти черной шерстью. Медведь был толст. Шерсть его лоснилась. Совсем немного осталось времени до того дня, когда метели и ледяные ветры загонят его в берлогу, но сейчас он, как и вся окружавшая его природа, наслаждался последними теплыми деньками и чувствовал себя в полнейшей безопасности.

Никто из обитателей местной тайги не смеет нападать на эту на первый взгляд неповоротливую тушу более четырех центнеров весом, с сильными лапами, вооруженными двадцатью острыми, как лезвие бритвы, когтями, клыками длиной в палец взрослого человека и прочими атрибутами хищного зверя. Никто не станет оспаривать его власть и права, за исключением разве его собратьев, точно таких же бурых медведей, как и он сам. С такими соперниками он готов сражаться всегда при малейшем намеке на посягательство с их стороны на эти места, которые он всегда считал своими.

И пока его не одолели в честном поединке более молодые и сильные собратья, этот медведь представлял собой и судью, и властелина, абсолютного владыку в богатых долинах, на зеленых еще полянах, в густых кедровниках и синих пихтачах, на берегах рек и озер, у подножия нетающих все лето снежников и серых каменных осыпей, среди моховой тундры и непроходимых стлаников – безраздельного повелителя над всеми окружавшими его живыми существами.

Воронов с восторгом рассказывал Лизе, как в старину

охотники выходили на медведя с легкой пальмой³ да с ножом. Но если не удавалось нанести смертельный удар сразу, то гибель человека была неминуема – удержать разъяренного медведя на рогатине невозможно.

Лиза остановилась и вытащила «Коляна» из ножен, затем похлопала Диму по спинке и прошептала:

– Тише, тише!

Пригнувшись, она бегом миновала открытое пространство и присела в кустах карликовой березки под защитой двух массивных глыб, которые прикрывали ее с тыла. На этот раз она сняла люльку с плеч, вручила сыну два глухариных пера, и он тотчас занялся ими.

Лиза осторожно приблизилась к самому краю зарослей и принялась наблюдать за медведем. Более всего ее беспокоило, что он шел в направлении их лагеря. Там оставались шоколад и несколько бисквитов. Зверь непременно их обнаружит, и Лиза с содроганием представила, во что превратится их шалаш, если там похозяйничает жадный и бесцеремонный зверь.

Но пока медведь был увлечен своим повседневным делом. Он охотился на сеноставок, бурундуков и прочую мелкую лесную живность, которая спешила укрыться от него под камнями. Огромный зверь чрезвычайно серьезно и неторопливо переворачивал плоские камни, облизывал их языком и переходил к другим, пожирая тысячи кислых муравьев,

³ То есть рогатиной.

сладкие корешки, сочных белых личинок, а если повезет, зазевавшихся мышей.

Иногда он находил и разгребал лапой норки, в которых хранились запасы кедровых орехов, и поедал их с не меньшим аппетитом, по-человечьи заталкивая орехи в рот лапой, и с удовольствием чавкал ими.

Не миновал стороной он и богатый брусничник, старательно подобрав языком всю до единой ягоды. Вся эта на первый взгляд ничтожная пища поглощалась им в невероятных количествах и перерабатывалась после в огромные запасы жира, которые нужны медведю, чтобы вовремя залечь в берлогу.

Со стороны казалось, что гладкий толстый зверь вполне спокоен и доволен жизнью. Больной и раздраженный зверь всегда худой. Такого медведя опытный охотник отличит с первого взгляда, и с ним лучше не встречаться в одиночку. Именно они чаще всего превращаются в людоедов и склонны караулить свои жертвы и нападать на них из засады, причем почти всегда сзади.

Лиза вспомнила это и почувствовала себя и вовсе неудобно. Она оглянулась. Дима, свернувшись в комочек, спал, привалившись к люльке с убитым глухарем. И Лиза продолжила свое наблюдение за медведем. Предстоящая ночь в лесу уже не казалась ей безопасной, и она со страхом ждала наступления темноты. Солнце зависло над горами, вот-вот стемнеет, а медведь все не покидал поляны. Одно успокаивает,

вало: он ходил по ней кругами, и походка его шаг за шагом становилась все ленивее и ленивее. Казалось, он засыпал на ходу, и Лиза немного успокоилась. Возможно, он уже набил свой желудок и вскоре уберется в чащу, сытый и умиротворенный, чтобы завалиться спать.

Но тут судьба приготовила ей новое испытание. И оно пришло с появлением второго медведя. Он пятился задом со стороны более высокого плато, того самого, где вчера она обнаружила обломки самолета и останки погибших. Лиза пригляделась и едва сдержалась, чтобы не закричать. Похоже, зверь раскопал одно из сделанных ею захоронений и тащил свою добычу к расщелине, чтобы завалить ее камнями и сучьями на тот случай, когда снова проголодается. Лиза зажала нос ладонью, чтобы не ощущать страшный трупный дух, но первый медведь тотчас поднял огромную голову и насторожился. Это был самый сладостный из всех запахов, запах мертвечины, любимого медвежьего лакомства.

Куда только делись его вялая поступь и вальяжный вид? Медведи плохо видят на дальнем расстоянии, но запахи способны различать издали. Вот и сейчас он некоторое время внюхивался в воздух, стараясь определить более точное нахождение предполагаемой добычи. Но рядом с лакомством находился соперник, и первый медведь отметил это низким, утробным ревом. Густая шерсть на его загривке ошетинулась, и он несколько раз нервно переступил лапами.

Лиза замерла. Кажется, назревала драка, и хотя можно бы-

ло предположить, что первый медведь бросится навстречу второму и некоторое время им будет не до посторонних запахов, все же боялась, что ветер переменится, и медведи обнаружат ее. Теперь она не могла вернуться к лагерю, путь ей преграждали два готовых сцепиться хищника, но оставаться рядом с местом схватки двух лесных гигантов тоже было смерти подобно. И все-таки она решилась остаться. Правда, положила нож на камень перед собой. Если придется защищаться, то она просто так не отдаст свою жизнь и жизнь сына.

Второй медведь услышал рев первого. Но вместо того чтобы отступить, а то и удрать, он лишь развернулся, прикрыв добычу собственным телом. Этим он как бы дал знак, что оставлять ее не намерен. Он был меньше по размерам, возможно, моложе и, скорее всего, никогда не получал трепку от своих братьев. Во всяком случае, он повел себя слишком самоуверенно, и смелости ему придавал запах добычи, которую он не хотел отдавать никоим образом.

Словом, молодой медведь не двинулся с места и ответил сопернику еще более грозным ворчанием.

Затаив дыхание, Лиза наблюдала, как старый медведь медленно и совершенно спокойно двинулся в сторону молодого. Метров за пять до соперника первый медведь поднял голову, и низкий раскатистый рев вырвался из его пасти. Молодой оскалил клыки и слегка осел на толстый зад, но по-прежнему оставался на месте, прикрывая подходы к добыче.

То, что случилось дальше, настолько перепугало Лизу, что она на эти несколько минут, в течение которых продолжалась драка, превратилась в камень, забыв обо всем на свете. Она не слышала, что Дима проснулся и недовольно хнычет, не обнаружив рядом с собой матери. Но все звуки потерялись в диком реве, которые испустили оба хищника. Лиза опомнилась на какое-то время, схватила сына, прижала его к груди и продолжала заворуженно наблюдать за схваткой. Она поняла, что медведям теперь нет никакого дела до того, что их окружает. Каждый из них видел перед собой соперника, и только его одного.

Первым бросился в атаку хозяин этих мест – старый медведь. Молодой слегка подался назад и неожиданно повалился на спину, но его соперник был опытным бойцом и не поддался на эту уловку. Он отскочил в сторону, не дав молодому возможности распороть его брюхо задними лапами, и, рванув того за плечо клыками, одновременно нанес страшный удар правой лапой по морде. Но острые, как ножи, когти молодого медведя все-таки зацепили его, и из раны на спине брызнула кровь, щедро оросив камни.

Страшный рев, который несколько раз отразился от скал и глухой стены леса, казалось, потряс землю и воздух. Старый медведь неожиданно резво отскочил назад и вдруг поднялся на задние лапы. Этим он снова предостерег своего соперника. Тот еще мог убраться восвояси, но именно жадность не позволила ему отступить. И тогда Лиза поняла, что схватка

предстоит жестокая, не на жизнь, а на смерть. Никто из дуэлянтов не желал отступить, и это означало одно: кто-то из них обязательно и скоро умрет.

Старый медведь рассвирепел. Продолжая оставаться на задних лапах, он начал приближаться к молодому, покачивая из стороны в сторону головой и размахивая передними лапами. Он широко разинул пасть, приподняв губы и обнажив страшные клыки и красные десны. Мускулы на носу напряглись, а между глаз залегла складка: медведь был в крайней степени ярости. Теперь его не могло остановить даже навешенное на него ружье охотника. В бешенстве он никого и ничего не видел и не слышал, кроме своего противника.

Но молодой медведь тоже поднялся на задние лапы и пасть ощерил не менее грозно. Лиза успела заметить, как два огромных зверя бросились друг на друга, и непроизвольно закрыла глаза, изо всех сил прижимая к себе сынишку.

Схватка продолжалась не более четверти часа, но это время показалось ей бесконечным. Огромные звери пускали в ход свои могучие передние лапы, рвали друг друга зубами и задними лапами. Лиза слышала их яростный рев, сквозь который различала, как трещали кости, лязгали зубы, а потом решила открыть глаза. И увидела, как молодой медведь повалился вдруг на бок, а более старый схватил его за горло.

Молодой все еще пытался отбиться, хватал врага за плечо слабеющими челюстями, но старый не отпускал и все сильнее сжимал его горло зубами. В какой-то момент молодой

изловчился и полоснул врага по животу задней лапой. От такого удара вывалились бы кишки у оленя, не говоря уже о горном козле, но у старого медведя на животе осталась лишь кровоточащая полоса. Он с диким ревом отскочил в сторону. Молодой, истекая кровью, попытался подняться, но старый вновь ухватил его зубами, теперь уже за нос. Раздался ужасный треск, и все было кончено! Дуэль закончилась победой более опытного и закаленного в драках соперника. Молодой медведь остался лежать на земле с неестественно вывернутыми передними лапами. Но победитель не ушел. Несколько минут он продолжал рвать когтями и зубами неподвижную тушу, пока не понял, что противник давно мертв.

На место схватки было страшно смотреть. Моховой покров был сорван, камни выворочены из своих гнезд, повсюду валялись клочья шкуры и куски мяса, а молодой медведь оказался разодранным чуть ли не пополам.

– Ужас, какой ужас! – прошептала Лиза трясущимися от пережитого страха губами и перекрестилась.

Она видела, как уходит с поля боя исконный хозяин этих мест, истекая кровью и покачиваясь. Конечно, ему теперь было не до отвоеванной добычи. Но убитого медведя он тоже не тронул. И ночью сюда на запах крови могли прийти другие хищники. Лиза подождала некоторое время и, когда медведь скрылся за камнями, чуть ли не бегом направилась к лагерю.

До него оставалось совсем немного, когда новый звук при-

влек ее внимание. Сначала Лиза подумала, что ослышалась, приняла грохот речного потока за этот слишком долго ожидаемый рокот авиационного мотора. Но когда подняла голову, то увидела вертолет. «Вертушка», похоже, шла на посадку в районе плато, на котором она обнаружила обломки самолета. До него было километра два или чуть больше, но она, не раздумывая, бросилась вперед, опасаясь одного – что не успеет к вертолету до наступления темноты.

Глава 3

Лиза успела. Правда, пришлось избавиться от глухаря и рыбы. Она даже сбросила куртку, чтобы легче было бежать, и освободилась от неуклюжей люльки, несла Диму на руках. Боязнь не успеть заставила ее забыть о собственных болячках. Она должна была достичь плато во что бы то ни стало.

Вертолет тем временем завис над местом падения обломков. Она надеялась, что спасатели непременно заметят ее могильники и поймут, что кто-то из пассажиров остался в живых. Лиза подняла голову. Флаг из занавески слегка обвис, но его было видно издалека – еще одно подтверждение того, что кто-то нуждается в помощи. Она оставила достаточно знаков, по которым можно было догадаться о присутствии поблизости человека, и рассчитывала, что при любых условиях ее не оставят в беде. Даже если не получится сегодня, обязательно вернутся завтра...

И все-таки Лиза спешила. Вот-вот опять стемнеет, и ей решительно не хотелось коротать вторую ночь в горах, оставаться один на один с этими мрачными скалами, нелюдимой тайгой и свирепыми хищниками. Совсем недавно она убедилась, насколько они беспощадны.

Дима недовольно хныкал. Возможно, Лиза излишне крепко прижимала его к себе, но она боялась, что малыш может выскользнуть из ее рук во время стремительного подъема по

камням. Ведь она могла оступиться, поскользнуться, даже подвернуть ногу, поэтому в голове у нее сейчас были всего две мысли: как быстрее добраться до вертолета и не пострадать во время движения. Не дай бог завалиться среди камней и потерять при этом сознание. Это прямая гибель для нее и для Димы...

Наконец она миновала густые заросли карликовой березки и ивы. Ей не хватало дыхания, горло и губы пересохли, сердце билось в предельном режиме, словно она, не рассчитав силы, вышла на более сложную дистанцию. Но раньше она могла сойти с нее, и что ей грозило при этом? Выговор тренера, упреки спортивных чиновников, отлучение от соревнований... Но теперь главной наградой в этой выматывающей гонке были ее собственная жизнь и жизнь ее сына. Она не смела покинуть дистанцию, и единственное послабление, которое позволяла себе, – делать короткие передышки и иногда, по возможности, спрямлять маршрут.

Ей оставалось преодолеть небольшой участок высокогорной тундры, за камнями уже виднелась верхняя часть вертолета и его повисшие лопасти. Это был «Ми-8». В этом Лиза не могла ошибиться. Сердце ее готово было выскочить из груди, но в этот момент она забыла об усталости. Она задышалась от восторга предстоящей встречи с людьми. Она никогда не подозревала, что этому можно так радоваться. Ведь это были абсолютно незнакомые ей люди, но они могли оказать ей помощь. Она хотела ощутить их сострадание, почув-

ствовать ответную радость оттого, что они с сыном остались живы.

И вертолет, и она казались такими маленькими на фоне заснеженных пиков и огромных полей каменных россыпей и горной тундры. Ноги проваливались в толстый мох и в бочажки ледяной воды. Заходящее солнце окрасило горные отроги в розовые тона, когда Лиза достигла выросшей прямо по курсу невысокой каменной гряды. Она скрывала от нее вертолет, но Лизе казалось, что она различает шум работающего мотора и человеческие голоса. Последние звучали возбужденно, но разобрать слова было невозможно из-за роко-та реки.

Но разве это важно? Еще сто метров, самое большее – две-сти, и она окажется на вершине гряды. Лиза представила себе то замешательство, которое отразится на лицах спасателей, когда они увидят женщину с ребенком, спускающуюся к ним по камням... Судорожно перевела дыхание и поняла, что уже не задыхается. К ней снова вернулись самообладание и выдержка. Их ей подарила надежда. Она погладила Диму по головке и поцеловала его. Бешеная пробежка по тайге и камням неожиданно усыпила его. И Лиза перешла с бега на быстрый шаг. Она теперь успеет, во что бы то ни стало успеет. И если даже спасатели вернутся в вертолет, она не опоздает, потому что им понадобится некоторое время на посадку в машину и на то, чтобы поднять ее в воздух.

Лиза без особых усилий преодолела несколько десятков

метров до подножия гряды и, не снижая темпа, стала подниматься вверх. Дима сладко посапывал на ее руках. Неожиданно путь ей преградила широкая и глубокая расщелина – непреодолимое и неприятное препятствие. Она остановилась на мгновение, раздумывая, как поступить. Она понимала, что перепрыгнуть расщелину невозможно, не было места для разбега, тем более она не рискнула бы проделать это с ребенком на руках. Спуститься вниз, а после вскарабкаться вверх? В таком случае ее путь к спасению растягивался на час, если не больше.

Лиза с досадой огляделась по сторонам и снова остановила свой взгляд на этой проклятой, так некстати вставшей на ее пути каменной щели. Сумерки заполнили собой дно расщелины, и она не могла определить ее глубины. Там, на дне, ее могли поджидать более неприятные сюрпризы вроде отвесных скальных стен и осыпей камней. Словом, Лиза могла остаться там навеки, потому что любой человек, обладающий хотя бы маломальским опытом передвижения в горах, знает: не стоит рисковать в тех местах, где тебя не могут подстраховать в случае опасности.

Она даже не пробовала кричать. Все звуки отразятся от камней, это все равно что кричать в вату. Лиза беспомощно озиралась по сторонам. Оставался единственный выход – идти вдоль расщелины. Наверняка она где-то кончается, а может, и сужается до такой степени, что ее удастся перепрыгнуть. Сделав выбор, Лиза не мешкала ни минуты и по-

шла влево. Выбор ее не был осознанным, скорее инстинктивным, как всякое живое существо, она стремилась к свету. Ведь именно слева от нее все еще сияло солнце, подсвечивая своими лучами низкие тучи на горизонте. Казалось, там полыхал гигантский лесной пожар. И когда Лиза почувствовала запах дыма, сначала не удивилась, а даже обрадовалась, ведь дым в ее случае означал спасение. Она почти достигла места падения обломков. И только эта гнусная щель в камнях да возвышавшаяся за ней скалистая гряда отделяли Лизу от спасателей.

Нетерпение съедало ее, она просто изнывала от плохих предчувствий и то и дело посматривала в сторону плато: не появится ли над ним взлетающий вертолет. Казалось, судьба вновь отвернулась от нее. Но Лиза не потеряла способности рассуждать трезво и недоумевала, почему спасатели не покидают плато? Конечно, собрать останки погибших – святое дело, но отчего прилетевшие не обратили внимания на то, что они захоронены, а на каменных могилах имеются опознавательные вешки? Неужто никому в голову не пришло, что кто-то из пассажиров остался в живых? Неужто ее «флаг» не заметили?

Лиза терялась в догадках и чуть не проскочила то место, где расщелина сузилась до двух-трех шагов. И она решила рискнуть, прыгнуть без разбега. Прежде она проделывала это без особого труда, но она никогда не пробовала прыгать с десятикилограммовой тяжестью на руках. Однако выхода

не оставалось! Придется рискнуть! Лиза напряглась и, перехватив сына правой рукой, прижала его к груди. Энергичный взмах левой рукой (конечно, это совсем не то, что правой), небольшой разбег, толчок ногой, и она оказалась на противоположной стороне расщелины.

Из-под ног посыпались мелкие камешки, Лизу качнуло назад, каким-то чудом она удержалась на краю и успела схватиться свободной рукой за кусты можжевельника. Слегка подтянувшись, она мгновенно миновала опасный участок и оказалась на ровной поверхности. Отпустив ветку, она прижала Диму к себе обеими руками. Только сейчас она почувствовала невероятный ужас. Ведь она удерживала сына одной рукой, и он вполне мог вывернуться и упасть на дно расщелины.

Лиза присела на камень, продолжая прижимать к себе сынишку. Дима проснулся и принялся требовательно теребить ее куртку – просил кушать. Она освободила грудь, и пока сынишка ужинал, сидела в изнеможении, закрыв глаза и отрешившись от всего земного. Мелкие, потревоженные Лизой в момент приземления камешки продолжали осыпаться вниз. И их змеиное шуршание неожиданно привело ее в чувство. Ужас, который она испытала, был не сравним ни с чем, что она пережила в своей прежней жизни. Только сейчас она поняла, как безрассудно рисковала своей жизнью и жизнью сына. Ведь они могли погибнуть за несколько минут до спасения!

Лиза не видела вертолет и не слышала рева двигателей. Теперь она двигалась в каком-то странном оцепенении. Ее лихорадило, и ее состояние передалось сынишке. Он недовольно хныкал и ерзал на ее руках, и в какой-то момент она ощутила, что штанишки у него промокли. Но сменная одежда осталась в люльке, Лиза даже не помнила точно, где ее оставила. Поэтому пришлось следовать дальше, и, чтобы успокоить малыша, она ласково что-то шептала ему и поглаживала по спинке.

Плато открылось неожиданно. Вертолет оказался совсем близко, метрах в ста, не больше. Внезапно обессилев, Лиза присела на камни. Ноги отказались служить ей, голова кружилась, а в глазах плыли, сплетаясь в диковинные цепи, гирлянды, складывались, как в калейдоскопе, разноцветные пятна.

Она медленно приходила в себя и все же воспринимала действительность, как картинку на экране телевизора. И, кажется, себя тоже видела со стороны. Лизе пришлось основательно напрячься, чтобы сконцентрировать свое внимание. И тогда она разглядела, что вокруг вертолета и чуть поодаль сновали люди, человек двенадцать, в камуфляже. Они занимались странным делом, стаскивали обломки самолета к вертолету и грузили их на борт. Некоторые, слишком большие куски алюминия, разрезали на мелкие части с помощью сварки.

Вторая группа вела себя еще более удивительно: они ломали и ровняли с землей захоронения из булыжников, которые Лиза вчера с таким трудом сооружала, чтобы спасти останки людей от погравы диким зверем. Поначалу она даже не поняла, что происходит? Люди с вертолета вели себя совсем не как спасатели, которые первым делом пытаются отыскать живых людей или то, что от них осталось, а после уже занимаються обломками. Эти же, судя по всему, пытались уничтожить следы катастрофы.

Продолжая в недоумении наблюдать за ними, Лиза старалась найти объяснение подобному поведению. Страх помимо воли снова проник в ее душу. Впервые она подумала, что для этих людей ее появление совсем нежелательно, ведь она единственный оставшийся в живых свидетель катастрофы. И хотя она абсолютно ничего не помнила, но знала, кто летел этим самолетом, ведь в ее руки, по счастливой случайности, попали документы погибших бойцов спецназа...

Но кому понадобилось скрывать, что самолет рухнул именно в этом месте? Саму катастрофу невозможно утаить, поэтому какой смысл в заметании следов? И кто эти люди, кто их послал сюда, почему они опередили настоящих спасателей?

Неестественное в подобной ситуации поведение людей в камуфляже не просто насторожило ее, она почувствовала опасность. Никто никогда не учил ее, по каким признакам или деталям можно определить надвигающуюся угрозу.

Просто древние инстинкты, которые позволили выжить ее предкам в недружелюбном мире, никогда не дремали в ней. Среда, в которой прошли ее детство и юность, а после и молодость, не позволяла им заглухнуть и даже способствовала их развитию. Ее зрение, слух, реакция всегда были на порядок, а то и два выше, чем у ее ровесниц, а теперь вкупе с материнским чувством, да еще в условиях, в которых мало кто выживает в одиночку, и вовсе возросли в геометрической прогрессии...

Лизе казалось, что она вновь попала на войну. С той же осторожностью она передвигалась между камней, стараясь не производить шума и лишних движений, точно так же оглядывалась по сторонам, прислушивалась, а мышцы ее напрягались, и рука непроизвольно тянулась к висевшему на поясе «Коляну».

Она прижимала Диму к груди и молила бога, чтобы он не заплакал во весь голос. Но мальчик словно чувствовал страх матери и помалкивал, таращась на мир круглыми от удивления глазенками. Конечно, Лиза опять рисковала, но она должна была обезопасить и его, и себя. И пусть ее подозрения окажутся беспочвенными, она обязана подобраться к вертолету тайком. Хотя это было менее быстро, но во сто крат надежнее. И даже если ей снова придется уйти в тайгу, она должна выяснить, *что здесь происходит?*

Грохот и лязг обломков самолета, которые люди старательно загружали в вертолет, заглушали все остальные звуки.

Чтобы услышать друг друга, они вынуждены были кричать и отчаянно жестикулировать. Они спешили и то и дело по-смастривали в сторону багрового диска, наполовину скрывшегося за горизонтом.

Лиза присела на корточки за большим камнем. До вертолета оставалось не больше пятидесяти метров. Она хорошо различала лица тех, кто находился к ней ближе остальных. Обычные лица... В основном славянского типа, но вот промелькнуло несколько бородатых и загорелых физиономий с характерными чертами жителей Кавказских гор. Впрочем, не это ее удивило! Хотя именно кавказцы заправляли погрузкой обломков в машину. Но самое главное – большинство из них были вооружены. Лиза не сразу заметила автоматы. У всех они были закинута за спину. Но в какой-то момент один из людей, чернобородый, одетый в армейский камуфляж, с зеленой косынкой на голове, что-то резко выкрикнул и, передернув автомат на грудь, лязгнул затвором.

«Грузчики» задвигались быстрее, а Лиза вдруг села прямо в мох и принялась тереть виски пальцами. Она до сих пор ничего не понимала. Куда она попала? Кто эти люди? Ведь она не могла ошибиться? Человек с автоматом выкрикнул:

– Сих! Ханг алла сих, устах!⁴

Она обвела взглядом горы. И от догадки у нее заledenели пальцы на ногах, а в голове стало пусто, словно все мысли внезапно улетучились... С чего она решила, что самолет ле-

⁴ Живее! Кому сказал, живее, бараны! (*чеченск.*)

тел в Сибирь? Он мог направляться куда угодно, ведь она абсолютно ничего не помнила, ни взлета самолета, ни момента падения, ни тех, кто летел вместе с ней. И эти горы вполне могли оказаться все тем же Кавказским хребтом, только его более дикой и малонаселенной частью. Лишь в этом случае здесь могли оказаться чеченские боевики, и сбитый самолет, скорее всего, их рук дело. Недаром они прилетели сюда первыми и действуют без опаски, потому что этот район наверняка контролируется незаконными бандформированиями.

Поставив все на свои места, Лиза наконец-то получила объяснение поведению прибывших на вертолете людей. Они прилетели сюда, чтобы поживиться, и ничего более. Отсюда их желание уничтожить сооруженные ее руками каменные надгробия, ведь там похоронены останки неверных, и собрать все до единого обломка алюминия – в скупке за них отвалят приличную сумму.

Лиза знала несколько случаев, когда в Чечне или в Дагестане сдавали на лом искореженные взрывом части подбитых вертолетов, нисколько не заботясь, что на них еще видны следы крови. А погибших пилотов так и не удавалось после обнаружить, они исчезали бесследно. Впрочем, иногда бойцы спецназа находили тайные схроны и вытаскивали оттуда исхудавших до невозможности, грязных людей с потухшими взглядами. Это были люди, которых давно считали погибшими, среди них находились и те, кто воевал в воздухе, и те, кто протопал пешком или преодолел на боевых машинах не

одну сотню километров по дорогам и тропам мстительной и буйной в своих амбициях Ичкерии.

Боевики (теперь эти люди были для нее только боевиками, и никем другим) покончили с погрузкой лома в вертолет. Затем выстроились в очередь к нему за канистрами то ли с керосином, то ли с бензином. И когда они, разбредясь по плато, принялись обливать горючим мох, чахлую растительность, развороченные туры и лежавшие под ними останки пассажиров, Лиза поняла, что ее догадка подтвердилась. Лесной пожар скроет все следы трагедии. Очень скоро эти места уйдут под снег, и все поиски будут отложены до весны, если не навсегда.

– Асланбек, Асланбек! Увш куз бу! – Лиза услышала вдруг громкий крик и развернулась на девяносто градусов, чтобы понять, от кого он исходит. И увидела человека, который неся со всех ног со стороны гряды и кричал что было сил: – Увш куз бу! Увш цанах ца бахна! Циг довзанта бейрак бу!⁵

Доли секунды Лиза оставалась на месте, но их ей хватило, чтобы узнать человека все в том же армейском камуфляже и высоких солдатских ботинках, который в этот момент спрыгнул с вертолета на землю. Она узнала бы его даже в том случае, если бы его не назвали по имени. Он был высоким и стройным, с густой черной бородой и маленькой черной шапочкой на выбритой голове. Асланбек Хабиев, младший брат Фадыла Хабиева, самого жестокого в своей фанатично-

⁵ Они здесь! Они никуда не ушли! Там на дереве флаг! (чеченск.)

сти полевого командира. Именно его вместе с отрядом ликвидировали погибшие бойцы иркутского спецназа...

Конечно, в Чечне много людей с черной бородой и гладко выбритыми головами, но Асланбека, по кличке Три-с-полтиной, ни с кем нельзя было спутать. Он был инвалидом с рождения. У его правой руки отсутствовало предплечье, и она была вполтину короче, чем у остальных людей. Говорят, это следствие лишений, которые пережила его мать, репрессированная в конце Отечественной войны и сосланная в числе тысяч своих соотечественников в Казахстан.

Но этот недостаток не помешал ему стать одним из самых ярых и сильных противников России на Кавказе. Он начинал бороться с ней еще при Советской власти, и за ним охотились, как на волка, «волкодавы» из ГРУ и спецподразделений КГБ, а затем и ФСБ. Но Асланбек был неуловим и беспощаден... И он не стал полевым командиром только потому, что предпочитал действовать в одиночку, а когда не мог справиться один, набирал группу столь же отчаянных, как он, головорезов, зачастую смертников, «камикадзе»... На его счету было несколько крупных терактов, громких убийств и похищений в разных частях России. Его боялись как огня, потому что нарушителей своих приказов он причислял к предателям и расправлялся с ними как с предателями, перерезая одним взмахом кинжала горло, а то и вовсе отделяя голову от туловища...

Ужас, который Лиза испытала при виде Асланбека, утро-

ил ей силы. Она метнулась назад, к лагерю. И пришла в себя уже в десятке шагов от самодельного шалаша. В страхе она не потеряла рассудок и, оказавшись рядом со своим жилищем, хладнокровнее, чем можно было предполагать, принялась собирать вещи. В первую очередь она прихватила одежду сына, затем натянула на себя одну из оставшихся курток. Свою она оставила где-то в тайге, когда спешила к вертолету. Затем сложила вещи и несколько занавесей в спортивные брюки, которые перевязала внизу тесьмой. Получился своеобразный вещевой мешок, к которому она приторочила лямки – ручки от вещевых сумок. На все это ушло не более двадцати минут. К тому же она все время тревожно прислушивалась и поглядывала в сторону плато. Она знала, что чеченцы непременно устроят облаву. Они хорошие следопыты и моментально обнаружат ее базу. Поэтому Лиза сделала все, чтобы уничтожить большинство следов, которые могли бы помочь боевикам определить, сколько человек и кто именно спасся при катастрофе самолета. Но она уже успела изрядно наследить в лесу, а ее преследователи вполне способны обнаружить брошенные вещи и ее сегодняшнюю добычу. Ведь она не предполагала, что спешит навстречу врагам...

Чеченцы шли цепью, шли молча, но их выдали те самые птицы со скрипуче-пронзительными голосами, которые разбудили ее на рассвете. Они подняли невообразимый гвалт, переполошив всю лесную живность. Лиза успела удивиться,

что бывалые вояки не учли подобной опасности. Но ноги уже несли ее в сторону от лагеря. Вопреки логике обыкновенного человека она бежала не прочь, она бежала навстречу чеченцам, обходя их по дуге. Она знала, что безопаснее всего суметь оказаться в тылу преследовавшего ее противника. Тем более она знала их количество, они же не знали о ней ничего и передвигаться должны были с гораздо большей тщательностью и осторожностью, рискуя нарваться на пулю или нож. Ведь в живых мог остаться любой боец отряда Анатолия Шатунова. А один «шатун», как их называли и друзья, и враги, способен был выстоять против десятка ловких и сильных соперников...

Солнце скрылось за горами. В ущельях уже копошились сумерки, но отроги гор были освещены закатом. Ночной полет вертолета, да еще в горах, штука рискованная, но Лиза понимала, азарт погони заставит чеченцев забыть об опасности. Им ничего не стоит переночевать в лесу. Боевики – люди неприхотливые, они привыкли к трудностям полевого бытия... И им вполне может прийти в голову рыскать по лесу и день, и два, и неделю, а то вызовут подмогу... Словом, Лиза не слишком надеялась на счастливый исход и все же предприняла все попытки, чтобы сбить «загонщиков» со следа.

Она весьма удачно зашла им в спину и даже заметила одного боевика, крайнего, с правого фланга. Учитывая фактор внезапности, она, пожалуй, сумела бы справиться с ним и завладеть его автоматом. Но подумала и отказалась от этой

идеи. Обнаружив убитого товарища, боевики озвереют и не успокоятся, пока не догонят и не расправятся с убийцей.

Поэтому она просто пошла в сторону плато. Двигаясь вдоль реки, она могла выйти к какому-нибудь населенному пункту: аулу, станице, поселку... Она предполагала, что здесь, в глубине Кавказских гор, ей вряд ли обрадуются, но в населенном пункте можно раздобыть питание, а если повезет, то оружие или лодку. Не стоило даже пытаться украсть лошадь, тогда ее немедленно нагонят верховые владельцы. Следы подков в лесу очень заметны, а в здешних местах кража лошади тягчайшее преступление. И если Лизу не отдадут боевикам, то расправятся как с конокрадом. Тут не играет роли, что она женщина. Ее забьют камнями или просто столкнут в пропасть...

Рыжие отсветы на горных склонах исчезли, но небо продолжало оставаться светлым. Лиза не слышала никаких звуков, кроме рокота водного потока на дне ущелья. На небе высыпали первые, самые крупные и по-осеннему яркие звезды. Дима спал на ее руках, ляжки самодельного рюкзака слезали с плеча. Лиза машинально их поправляла и шла как машина, не замечая усталости...

Ориентируясь на звезды, она упорно и планомерно продвигалась вслед за рекой на северо-запад. Довольно долго она пробиралась сквозь настоящие дебри, подступавшие к самому краю ущелья. Мохнатые лапы стегали ее по лицу, время от времени лес сменяли прогалины, усыпанные

огромными камнями. Наконец она дошла до скальных уступов, которые гигантскими ступенями круто поднимались к очередному плато, заросшему мхом и чахлыми низкорослыми деревцами, и стала карабкаться по ним вверх. Легкие и сердце, казалось, работали на пределе. Требуя покоя, отказывались служить ноги, но она не давала себе отдыха.

И мозг, и тело требовали действия, причем страх перестал играть роль движителя. Она вообще уже не чувствовала страха, который непонятно когда умер в ней. Появился новый, более сильный импульс. Он вселял в нее мощную и неустанную энергию, и этим импульсом были ее собственная жизнь и жизнь ее сына.

Она почти бессознательно подчинялась какому-то велению. А веление это говорило ей, что она должна проявлять максимум стараний и усилий, чтобы спастись в этой дикой мешанине цепких кустарников, деревьев, скал, верховых болот. Спастись в одиночку, потому что на многие десятки и даже сотни километров не было никого, кто бы знал о ее существовании и стремился оказать ей помощь. Те, что прилетели на вертолете, были не в счет. Это были враги, которые хотели ее убить.

Но она не знала, что боевики уже обнаружили ее убежище. И по едва заметным признакам и следам ног они поняли, что спаслась женщина. В самолете летели две женщины. Одна из них, изнеженная, избалованная дама, ни в коем случае не сумела бы разбить лагерь и очень умело его обустро-

ить. На это способна была только вторая – одна из немногих женщин, что ни в чем не уступали мужчинам на войне. А в какие-то моменты даже превосходили их...

Асланбек знал, что в свое время голову Лизы оценивали в десять тысяч долларов. Ставки росли с каждым днем, а Лиза вдруг исчезла. По вполне житейской причине. Она забеременела. И все же боевики продолжали охотиться за ней, потому что понимали, с ее характером станется вновь вернуться в Чечню. А на счету Лизы было более двух сотен очень точных выстрелов, унесших жизнь многих боевиков, наемников и полевых командиров. Она сама не знала, сколько врагов отправила в мир иной, потому что отметин на ложе снайперской винтовки никогда не делала, но предполагала, что много. И если не слишком гордилась этим, то понимала, что каждым выстрелом спасала жизнь десяткам, если не сотням других людей.

Поэтому те, кто обнаружил ее лагерь и догадался, что Лиза Варламова по какой-то счастливой случайности осталась жива, непременно должны были догнать ее и расправиться с ней. И сделать это немедленно. Боевики не знали, по какой причине и когда Лиза покинула лагерь. Если она ушла до появления вертолета, то, скорее всего, не подозревает об опасности и поэтому передвигается по тайге вполне безмятежно...

Самый реальный маршрут для нее – на север. На юге, до самой границы с Монголией, нет никаких селений, даже из-

бушек охотников, потому что здесь территория биосферного заповедника, и охота десять лет уже как запрещена. Асланбек был уверен, что Волчица не успеет слишком далеко уйти от преследователей, ведь это только новичку кажется, что отыскать в тайге человека сложнее, чем прыщик на заднице у медведя.

Асланбек ни секунды не сомневался, что у него получится расправиться с Лизой. У Фадыла не получилось, но тогда Лиза была не одна. На задание она всегда выходила под прикрытием двух автоматчиков или автоматчика и бойца с ручным пулеметом.

Лучше, конечно, если бы эта мерзкая девка ни о чем не догадывалась. Тогда ее можно взять голыми руками, во время сна, например. Но Асланбек склонен был предполагать худшее. Лиза заметила вертолет и успела разглядеть и понять, что за «спасатели» пожаловали к месту катастрофы. Тогда она настороже, и схватить ее будет нелегко. Три-с-полтиной хорошо понимал: если Лиза Варламова узнает, что ее преследуют, она будет драться до последнего...

Глава 4

С наступлением ночи к Лизе вернулась безграничная тоска одиночества. Это чувство уже посетило ее накануне перед сном. Но тогда она думала о скором спасении, ждала появления спасателей или военных. Ведь кто-то должен был рано или поздно появиться в районе катастрофы. Она верила, и от этого ей было легче переносить свое одиночество. Теперь в одиночестве было ее спасение, и все-таки очень трудно, просто неподъемно тяжело ощущать себя изъятой из мира людей. Она понимала, что их с Димой имена уже значатся в списке погибших, а их спасение было казусом, который просто невозможно себе представить. Число пассажиров, спасшихся в подобных авиакатастрофах, можно пересчитать по пальцам одной руки. И если Лизе и ее маленькому сыну не удастся спастись вторично, то никто и никогда не узнает, где и как они погибли...

Но, с другой стороны, судьба уже не раз хранила и оберегала Лизу. Неужели для того, чтобы ее в конце концов затравила свора поганных псов, с которыми она сражалась в Чечне? Лиза была солдатом, соблюдала законы войны, но, возможно, ситуация, в которой она оказалась, – кара за те грехи, которые она вольно или невольно совершила в своей жизни? Но при чем тут ее сынишка? Почему он должен умереть?..

Сердце ее мучительно ныло. Ей было бы обидно до слез за

подобную несправедливость, если бы она умела плакать. Но в том-то и суть любой несправедливости, чтобы лишить человека веры в высшую справедливость. Если господь забыл о тебе, значит, так тебе и надо... Значит, такова твоя планета, судьба, такова твоя доля... Значит, это ты заслужил...

Далеко за полночь ей удалось найти убежище под большим камнем. Этот камень возвышался над грудой своих собратьев. Внизу протекал ручей, по обеим сторонам которого теснились высокие пихты и кедры. С вечера небо затянуло тучами, и Лиза опасалась, что пойдет дождь или снег. И когда верховой ветер прогнал тучи за горизонт, а в просветах между ними сначала проглянула луна, а за ней показались звезды, Лиза заметила, как ярко сверкает вода в ручье и белеют огромные валуны по его берегам. От полной луны в тайге было светло как днем, но впечатление портили длинные черные тени деревьев, которые перечеркнули лежавшую перед ней поляну...

Почти сутки Лиза ничего не ела. В запасе у нее оставались только шоколад и бисквиты, но она знала, что ей придется долго двигаться без остановки, чтобы уйти на безопасное расстояние от места катастрофы и от чеченцев. Она не могла себе позволить длительных остановок, чтобы наловить рыбы или добыть птицу. Ведь их еще надо было приготовить, а для этого следовало развести костер... То есть затратить какое-то время, которого у нее не было. К тому же огонь и дым видны издали, их сложно замаскировать, и это тре-

бует затраты сил, которых у нее осталось и так не слишком много...

Лиза предполагала, что боевики бросятся вдогонку, но не думала, что они осмелятся на ночные поиски. И чтобы максимально увеличить расстояние между ней и преследователями, решила идти ночью и на протяжении всего последующего дня, насколько хватит сил, и делать только короткие остановки, чтобы покормить или переодеть Диму. Она ни минуты не сомневалась, что боевики Асланбека мгновенно или почти мгновенно вычислят, кто она такая, и сделают все, чтобы не позволить ей уйти.

Мохнатые кроны деревьев смыкались над ее головой, образуя почти сплошной сводчатый кров. Даже в самый солнечный день внизу было сумеречно и тихо. На земле плотным слоем лежала сухая бурая хвоя. Только меж узловатых, далеко разбежавшихся от ствола корневищ прижимался к земле брусничник с темно-зелеными глянцевыми листиками и крупными багровыми с розовым бочком ягодами. Кедрачи оседлали пологий гребень невысокого горного кряжа и расселились по обоим его склонам. Лиза старалась ступать по корневищам и хворосту, чтобы не сбить рыхлую хвою и не оставить следов. Это значительно замедляло движение, и поэтому ей потребовалось более двух часов на то, чтобы дойти по гребню до вершины распадка, сбегавшего в долину узкой, но бурной речки – притока той, в которую упал самолет.

Между камней звенел невидимый ручей. Он струился в

расщелинах между серыми гранитными валунами. Громоздятся друг на друга, они устилали все дно распадка.

И опять Лиза вспомнила Воронова.

– Черт дорогу себе спьяну мостил, – говорил обычно Егор Николаевич, когда они попадали в подобные россыпи камней, – вот и удалась кочковата да бугриста!

Встречались на ее пути валуны, поросшие седовато-голубым мхом. На них Лиза ступала по-особому бережно, чтобы не сорвать пушистый покров, а то обходила их стороной, продираясь сквозь заросли красной смородины. Многие ягоды уже сморщились, побурели, кусты затянуло серой паутиной, но хватало еще полновесных, сверкающих на солнце рубинами кистей. Лиза попробовала на ходу сорвать несколько ягод, положила их в рот и тотчас сплюнула – рот свело оскоминой, и она перешла на бруснику и уже редкую, перезревшую и попадающуюся лишь местами черную смородину.

Наконец Лиза рискнула остановиться, всего на пару часов, для отдыха. Под камнем было холодно и неудобно, но костер развести она так и не отважилась, хотя ничто не выдавало присутствия чужих людей в лесу. Лишь иногда глухо и безнадежно вскрикивала вдалеке какая-то птица, попискивала, шмыгая в траве, мелкая лесная живность, из соседней чащи глянула на нее пара блестящих глаз, задержалась на мгновение и столь же бесшумно скрылась, как и появилась. Лиза не смыкала глаз, давали знать о себе пережитые днем по-

трясения. Удивительно, но теперь она не так боялась встречи с медведем, как с боевиками. Однако под утро, когда луна уплыла на другую сторону неба, усталость сморила Лизу. Правда, спала она самую малость. С ближних деревьев внезапно с шумом и громким хлопанием крыльев снялась большая птица, пронеслась над поляной и разбудила ее.

Испуганно озираясь по сторонам, Лиза вскочила на ноги. Ей показалось, что кто-то ломится через кусты. Захныкал сынишка – видно, она задела его, когда поднималась, но Лиза некоторое время не обращала на него внимания, потому что обшаривала внимательным взглядом подступившие к поляне деревья и кустарники. Рука, в которой она сжимала рукоятку «Коляна», занемела от напряжения, но Лиза не замечала этого. Однако вокруг по-прежнему было тихо.

На востоке робко проклюнулась заря: небо там едва зарозовело. И как это бывает на рассвете, в лесу было очень холодно и сыро от зависшего над землей тумана. Облака его укрывали ближайшие горы. Лиза зябко поежилась и вернулась к сыну. Она не выспалась, и усталость вновь напомнила о себе. Она, конечно, могла выпить одну из таблеток, которую обнаружила в сумочке у Шатунова, но побоялась, что это отразится на сыне. Поэтому, покормив и переодев его, она занялась изготовлением новой люльки, прежде всего чтобы не заснуть.

Теперь дела у нее продвигались быстрее, ведь она уже имела определенные навыки. Через час окончательно рас-

свело, и тогда Лиза снова отправилась в дорогу сквозь болотистую тайгу, завалы камней и буреломы. Она уже научилось выбирать единственно правильный путь среди нескончаемых и опасных препятствий: обходить стороной прячущиеся среди пожухлой травы бочажки с ледяной водой, перепрыгивать небольшие трещины и огибать коварные осыпи. Она шла и шла, не снижая темпа, и боялась теперь только одного: встречи с людьми. Потому что в ее положении они могли оказаться только врагами, желавшими ее смерти. Вполне вероятно, что ее убьют не сразу, а посадят в яму. Испокон веку так обходились с рабами и аманатами – заложниками, потому что разбой и получение выкупа за жизнь пленников – самые древние промыслы в этих краях...

Лиза не знала, что вертолет, загруженный металлоломом по самую макушку, улетел только утром, оставив после себя всю полыхающий лесной пожар. Чеченцы действительно подожгли лес, чтобы укрыть место катастрофы. Но накануне до наступления темноты они планомерно прочесали лес и скалы вблизи Лизиного лагеря. Обнаружили и то место, где обломок, спасший ей жизнь, ушел в пропасть, и первую ее стоянку нашли, и брошенного глухаря, и рыбу, и люльку, даже куртку подобрали. Самое неприятное было в том, что они действительно быстро догадались: женщина идет по тайге с ребенком. Это значило, что она не так свободна в маневрах, ребенок в определенной степени связывал ей руки; с другой стороны, она – мать, и драться будет не на жизнь, а на смерть.

И все-таки Лиза была женщиной, к тому же пережившей физическое и душевное потрясение. Как ни крути, но ей не справиться с пятью крепкими молодыми парнями, которых Асланбек оставил в тайге с единственной целью: догнать ее и убить. Вертолет улетел, а пятеро боевиков остались. Асланбек дал им двое суток, чтобы выполнить приказ. Затем вертолет вернется и заберет их в положенное время. По карте определили район встречи – водораздельный хребет, который являлся границей заповедника. За ним начиналась активно освоенная местными жителями тайга. Стены ущелья здесь заметно понижались. Пологие берега позволяли спуститься к реке без особых проблем и даже перебраться по камням на другой берег. Охотничьи тропы могли привести к промысловой избушке или к лесной дороге, по которой часто проезжали лесовозы. Недалеко располагались деляны местного леспромхоза...

Словом, ни в коем случае нельзя было позволить Лизе перелезть через хребет. Но она об этом приказе не знала, хотя полагала, что ее не оставят в покое. Асланбек Хабиев никогда не забывал расправиться со свидетелями. Убивали и взрослых, и детей, даже собак уничтожали, потому что собаки долго помнят зло и способны через несколько лет опознать обидчика...

Они вышли в путь почти одновременно: Лиза с сыном и ее преследователи. Полуголодная женщина и пятеро сильных, сытно позавтракавших молодых бандитов. В их арсенале бы-

ли автоматы с запасными магазинами: в общей сложности почти шестьсот смертей на две человеческие жизни – женскую и детскую, боевые ножи, которые могли резать проволоку, ракетницы, надувной плотик для переправы через реки, трехдневный запас продуктов, и все это против ее одного-разъединственного «Коляна»...

Утром расстояние между Лизой и ее преследователями составляло около десяти километров, к обеду чуть больше пяти... За все время пути она присела только три раза, чтобы покормить сына. Боевики же двигались по тайге без остановок, поэтому расстояние между Лизой и ее преследователями быстро сокращалось.

Но ни Лиза, ни боевики не знали, что по тайге движутся еще две группы. Одна из них, как и Лиза, уходила от преследования, вторая состояла из бойцов спецподразделений милиции и УИНа.⁶

Накануне утром был совершен дерзкий побег из исправительной колонии строгого режима. Из трех бежавших заключенных двое были рецидивистами, чей общий стаж пребывания в лагерях составлял чуть ли не тридцать лет, но оставшиеся на двоих двадцать семь лет они решили провести не за колючей проволокой, а на воле. Побег готовили долго и тщательно, не обошлось без предательства одного из конвойных, который за большие деньги помог им покинуть терри-

⁶ Управление исполнения наказаний.

торию ИТК. Произошло это во время большого показательного праздника. Его руководство колонии устроило для своих подопечных и их родственников.

Но у этого праздника была еще одна цель, которая давно являлась секретом Полишинеля. Дело в том, что эта колония числилась «красной», то есть заправляли в ней не «воры», а администрация. И заправляли весьма круто, потому что колония вдобавок ко всему считалась образцово-показательной. А секрет был в том, что ее начальник Лавренев давно уже спал и видел себя в кресле начальника краевого УИНа. Поэтому на праздник ждали самого губернатора и очень важных чиновников. Но гости не догадывались, что с определенного момента прежде «красная» зона прилично побурела. Особенно это проявилось с появлением «на зоне» вора в законе Митрухина по кличке Митруха. Те, кому это следовало знать, знали, что на время праздника, благодаря определенному компромиссу, достигнуто перемирие. Но это весьма относительное согласие было крайне хрупко и неустойчиво.

Взаимоотношения начальника колонии и Митрухи изначально не сложились, и если первый стал подумывать уже не о кресле начальника краевого УИНа, а как бы благополучно уйти на пенсию и баллотироваться в депутаты местного Законодательного собрания, то второй определил свой срок пребывания за колючей проволокой в полгода. Именно столько времени ему понадобилось для подготовки побега.

Готовили его, естественно, на воле, оставшиеся до поры до времени на свободе крутые братки из бывших спортсменов.

Молодая поросль вкуса тюремной баланды не пробовала, пила редко, если курила, то только дорогие сигареты, наркотиками не баловалась, мускулы накачивала уже не в подвалах, а в современных тренажерных залах. Но отнюдь не стала от этого милосерднее. Наоборот, славилась особой жестокостью и изощренностью в достижении своих, само собой, криминальных целей, давно перешеголяв в этом «синяков», чей жизненный путь отмечают синие татуировки на теле – своеобразный пароль для посвященных. «Синие» жили «по понятиям», «братки» не признавали ни понятий, ни законов.

Но Митруха, который после очередной отсидки очень удачно вписался в криминальный бизнес маленького городка, выросшего рядом с одним из гигантов отечественной металлургии, сделал ставку как раз не на коллег-рецидивистов, а на молодежь. И создал боевую группу, в которую вошли ранее не судимые молодые парни, отслужившие армию, некурящие, непьющие, сильные и волевые, не отягощенные моральными установками и нормами поведения: Митруха дал им все, что пожелали их бандитские души: деньги, машины, девочек, а взамен получил преданных и готовых выполнить любой приказ «бойцов». В их задачу входила ликвидация преступных авторитетов и других конкурентов, претендующих на лидерство в городе, и контроль за всем, что представляло собой приличных размеров ценность.

Казалось, бандитское счастье продлится вечно. Но и на старуху бывает проруха. Как это частенько бывает, взяли Митруху на мелочи, а раскрутили на всю катушку. И поехал он в места не столь отдаленные от его родного городка. Там ему суждено было провести семнадцать лет в черной робе под крики вертухаев, лай овчарок и испытать прочие «прелести» лагерного бытия в компании себе подобных отморожков.

Правда, как замышлялось, так и получилось. Но ровно на четыре часа. Потому что удиравшим на заранее ждавшей их машине экаму дорогу перегородили «КамаЗом», из-за которого ударили по колесам автоматные очереди... Начальник УИНа оказался гораздо хитрее, чем предполагал Митруха. «Жадный» конвойный на самом деле давно являлся его особо доверенным сотрудником и уже пару раз выполнял подобные заказы, избавляя начальство от головной боли, а общество от особо опасных преступников... Беглецов ликвидировали бы без особых церемоний. Попытка к бегству, и вся недолга! Но на этот раз Митрухе и его приятелям повезло, потому что на горы упал туман и ухудшил видимость. Словом, беглецы ушли в тайгу и были уже на последнем издыхании, потому что брели сквозь горы вторые сутки, а бойцы спецназа с собаками неотрывно сидели у них на пятках.

Митруха не льстил себя надеждой. В подобных операциях всегда используют собак, поэтому он предпринял несколько ухищрений, чтобы сбить этих тварей с толку. Несмотря на

усталость и ворчание Башкира и Кныша, у которых далекий пока собачий лай вызывал животный ужас, он три раза за время движения по тайге заставил их пройти по петле радиусом метров в двести. В таком случае собаки некоторое время будут ходить по «восьмерке». Если попадался ручей, то они шли по воде, и Митруха все время следил, чтобы идти не против ветра, а по ветру.

Иногда он останавливался и обрабатывал следы в том месте, где они выходили из воды или останавливались на отдых, борной кислотой. Когда же она закончилась, поливал их бензином, который нес с собой в небольшой канистре. В случае, если преследователи приблизятся вплотную, можно с таким же успехом устроить лесной пожар и укрыться за стеной огня и дыма. Митруха надеялся, что подобная «профилактика» заставит собак отказаться работать по следу...

Конечно, они вполне могли пройти мимо, не заметив друг друга, и это был бы самый удачный вариант как для Лизы – она бы вышла прямо на бойцов спецназа, – так и для группы Митрухи, которая столкнулась бы с чеченцами. Последствия этой встречи были менее предсказуемы, чем в случае с Лизой, но можно предполагать, что одни бандиты быстро нашли бы общий язык с другими бандитами.

Но все получилось иначе. Уже смеркалось, когда Лиза вышла к таежной избушке – уже три года как заброшенному зимовью. Стекла в единственном окошке наполовину отсут-

ствовали, но дверь, обитая старым ватным одеялом и поверх него кусками толя, была в порядке. Над крышей виднелась железная труба. Значит, печка, скорее всего, тоже сохранилась. Лиза чрезвычайно обрадовалась. Впервые за последние дни она обрела крышу над головой, где можно укрыться от непогоды. Это ветхое жилище оказалось как нельзя кстати. С запада заходила огромная туча с рваными белыми краями. Задул ледяной ветер. Ночью вполне мог выпасть снег...

Только Лиза не предполагала, что судьба приготовила ей еще одно испытание. Бандиты заметили ее в тот момент, когда женщина преодолевала очередную, поросшую карликовым лесом горку. До зимовья оставалось метров сто – сто пятьдесят. Они первыми нашли избушку. Более часа уже они не слышали лая собак, а налетевшая непогода позволяла им надеяться, что погоня в таком случае осложнится и преследователи остановятся на ночлег, потому что собаки при высокой влажности не работают. Это давало им небольшую передышку и надежду провести несколько ночных часов в относительно теплом и сухом укрытии.

Избушка на первый взгляд казалась необитаемой: все подступы к ней заросли высокой травой. Но внешне она выглядела крепкой, хотя Митрухе не понравилось, что задняя стена ее выходила к лесу, заросшему густым подлеском. Если преследователи вопреки здравому смыслу выйдут ночью к избушке, то захватят беглецов без всяких проблем.

Бандиты были вооружены ножами, кроме того, у них име-

лись автомат Калашникова и пистолет «ПМ». Но они понимали, что в сравнении с арсеналом спецназа их оружие все равно что рогатка против гранатомета.

Однако голод и усталость давали о себе знать. В группе началось брожение. Первым проявил свое недовольство самый молодой участник побега по кличке Кныш. Он должен был провести на зоне около шести лет – срок относительно небольшой по сравнению с Митрухой и его старым знакомым Башкировым – лидером преступной группировки одного небольшого подмосковного городка. Они несколько раз встречались на свободе по своим криминальным делам и на нары попали почти одновременно. Правда, деяния Башкира, или Башки, как его называли собратья по ремеслу и те, кто за ним охотился, были оценены менее достойно, и срок его оказался на семь лет меньше, чем у Митрухи.

Кныш сбежавшим нужен был постольку, поскольку был сыном крупного банкира. Несколько раз деньги папы позволяли ему благополучно избежать наказания, но наконец его задержали со столь крупной партией наркотиков, что деньги папы и его авторитет оказались бессильны, и шустрый отрок поехал на лесоповал. Кныш не был уверен, что папа с радостью воспримет известие о его побеге, но клятвенно заверил Митруху и Башкира, что родитель непременно отвалит им крупную сумму в долларах, если они сподобятся доставить его непутевое чадо в Туву. У папы-банкира были хорошие связи с тамошним президентом, а у Кныша – приличная

«крыша» в лице влиятельных чиновников, чьи сынки промышляли тем же самым бизнесом.

На самом деле ни Митруха, ни Башкир не верили в подобную благодарность, но знали, если папа заартачится, эти деньги отнимут у него силой. Был еще один резон связаться с избалованным и капризным Кнышем. В тайге главное не деньги. В тайге главное – провиант. И бандиты надеялись на «живые консервы», или «корову», как блатные называют молодых участников побега, которых забивают в случае невозможности добыть пропитание. Кныш пока не догадывался о своей печальной доле и заявил, что не сделает больше ни шагу.

Будь у Митрухи сейчас чуть больше сил, Кнышу бы несдобровать. Но Митрухину недавно исполнилось пятьдесят лет. Давали знать о себе годы, которые он отбарабанил на зоне. Но и те немногие, проведенные на воле, здоровья ему не прибавили. Жизнь Митруха вел неумеренную: много ел, а пил и того больше, прожигал ее в кабаках и в саунах с нетребовательными женщинами. А стрессов в его жизни было столько, столько ударов судьбы – он потерял им счет, поэтому в пятьдесят лет выглядел почти семидесятилетним стариком, плешивым, но жилистым и очень подвижным.

Первое время он шел по тайге ходко, криками и руганью подгоняя рыхлого, быстро потеющего Кныша и Башкира, который при последнем задержании получил пулю в бедро и с тех пор заметно прихрамывал. Но потом Митруха тоже стал

сдавать, подвели сердце и легкие...

Избушке Митруха обрадовался не меньше, чем его приятели, но проявил большую осторожность. Окружавшие избушку заросли были настолько густыми, что способны были укрыть булыжную мостовую, а не то что тропку, протоптанную человеком. И с чего они взяли, что избушка нежилая? Только потому, что в окне не хватает стекол? Но их могли по разным причинам на время выставить. К примеру, потому, что печная труба засорилась, дым повалил не наружу, а вовнутрь... Правда, в этом случае дверь открывают настежь...

Так размышлял тертый жизнью Митруха, видевший подвох в любых подарках судьбы. До открытия сезона промысловой охоты оставалось меньше месяца, и почему бы здесь не объявиться охотнику, пожелавшему добраться до зимовья по воде, пока не замерзла река? С тем же успехом избушка могла оказаться жилищем староверов. Подобные уединенные поселения до сих пор встречаются в глухой тайге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.